

Мальцева Любовь

**Сказ про то, как Синька не
мёд пил, а по забытым
мирам ходил**

Любовь Мальцева

**Как Синька не мёд пил, а
по забытым мирам ходил**

«Автор»

2026

Мальцева Л.

Как Синька не мёд пил, а по забытым мирам ходил /
Л. Мальцева — «Автор», 2026

Жил да был себе Синька. Жил-поживал и горя не знал. Не было у Синьки цели, но случилось так, что появился у него путь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	35
Глава 12	39
Глава 13	42
Глава 14	45
Глава 15	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Любовь Мальцева

Как Синька не мёд пил, а по забытым мирам ходил

Глава 1

А расскажу-ка я вам одну историю, которая случилась ни в некотором царстве в каком-то там государстве, не в зазеркалье и не за тридевять земель, у царя Гороха во владениях когда-то там давным-давно. Творится все это безобразие совершенно непонятным образом прямо сейчас. Но обо всем по порядку, ведь, как известно, сказка скоро сказывается, да не скоро дело делается.

В одной сибирской деревеньке, с интересным названием Кривняшки, жил да был, до сего времени, мужичок один. Мужичок - не плохой и не хороший, обычный такой, без особых примет, как говорится. Как зовут его? Да маманя при рождении дала ему простое русское имя, но вот жизнь-то мужичка нашего помотала и новое прозвище прилипила, а потому никто настоящего имени его не помнит, а кличут все его Синькой. Синька, да Синька, ну понятно, наверное, почему. Живет Синька, как Бог даст, хитрить да юлить не умеет, и не дурак вроде, а работы постоянной нет. Промышляет тем, что в народе калымом прозвали: то дров кому расколет, то по хозяйству поможет. Калым невелик, но Синьке на его скромное житье хватает.

Ну, так вот, проснулся сегодня утром Синька, зевнул во весь рот, потянулся от души, да подумал, что не хочется ему на работу идти. Вот лежал бы так, да в потолок поплеывал, телевизор смотрел, да пивко потягивал. А может и не потягивал бы, а просто лежал бы, полеживал. Да, только, нет у Синьки телевизора. Да и пивка, разумеется, тоже нет. А потому делать-то нечего, на работу идти надобно, потому как работа, она хоть и не медведь, но Синьку, худо бедно, кормит и, стало быть, поит.

Встал Синька, нехотя, с кровати своей скрипучей, осмотрел неприбранное жилище свое и тоскливо ему стало. Еще и в окно солнышко апрельское вовсю светит, пылинки в солнечных лучах купаются, сверкают и радуются. Да только Синьке не радостно, один он на всем белом свете: ни жены, ни детей нету. В домишке не убрано, печь не топлена, да и поесть толком нечего. Чай согреть, и то нечем, потому как электричество вчера отключили, за неуплату. Ну вот, Синька, как был в одних трусах, так и поскакал во двор за дровами.

А солнышко апрельское оно хитрое: светит ярко, толком вроде и не греет, так - нехотя топит снежок. А вода талая бежит веселыми ручейками, куда ей хочется, создавая лужицы большие и маленькие. У хороших хозяев в Кривняшках двор-то от снега убран, да сосновыми тратуарами выслан. А Синька шибко снег зимой не греб. Так, выйдет, в одну лопату, худо бедно, от крыльца откинёт, чтобы дверь открывалась, да и ладно. Крыльцо, пока зима была, все в припотанном снеге. Только, подтаял вчера снежок-то, а за ночь подморизило, наледью покрылось. Синька - в одних трусах - босые ноги в сланцы сунул, да и на крыльцо. Спешил очень. Выскочил, да со всего маху и брякнулся, расстелился на скользком крыльце, ноги кверху, сланцы в разные стороны разлетелись, а голова как раз об порог, громко-пригромко и звякнула. Лежит Синька голый, на заиндевелом крыльце, и стонет, охает. Голова его трещит, трусы намокли, спину льдом так обожгло, словно кто кипятком плеснул. У Синьки даже слезы на глазах выступили, так ему себя жалко стало. "Эх, ты, пёс распёс, - еле слышно, промямлил он сам себе и, тяжело кряхтя, поднялся на ноги, - Да что ж за жизнь-то у меня, пёс ты распёс! На хрена она мне, пёс распёс!" Держится Синька одной рукой за ушибленную спину, а другой рукой огромную шишку на затылке ошупывает. Шишка на глазах растет, набухает, а Синька

стоит босыми ногами на скользком крыльце и пытается решить непростую задачу: как ему добраться до дровишек: идти босиком или достать, улетевшие в разных направлениях, сланцы.

В голове все еще звенит, не перестает. Причем звон такой, словно кто-то настойчиво ударяет друг о друга два хрустальных бокала. Подумав о хрустале и бокалах, Синька вспомнил, что видел на столе вроде бы недопитую, с вечера, поллитровочку. "Ах, ты пёс его распёс! - развернулся он осторожненько, опасаясь, как бы снова не брякнуться, - Вот, что значит не подлечился с утраца, пёс меня распёс!" Обхватил себя за плечи руками, на цыпочки зачем-то встал, да шустро-шустро в дом обратно поскакал. Заскочил и обомлел.

Жилище-то, неведомым Синьке образом, изменилось сильно, стало сразу и его и не его. Чистенько, аккуратненько, печка топится весело потрескивая, а главное стол накрыт пирогами да блинами, а за столом девица сидит красоты неопишуемой. "Ах, ты пёс распёс, - вырвалось из посиневших Синькиных губ, - Это еще что за, пёс распёс!" "Здраавствуй, сууженный мой ряааженный, - мелодично пропела ему в ответ девица, - Наконец-то дождалась я тебя на своем острове Буяне! Долго я тебя ждала, думала и не свидемся в этой жизни!" Девица из-за стола-то встала, руки к Синьке вытянула да на встречу словно пава поплыла. А Синька, как услышал про суженного ряженного, оглянулся вокруг - нет никого. На себя глянул, лицо пощупал, да вспомнил тут, что в трусах-то одних стоит, ну и прикрылся как смог ладошками. А девица-то близко уже! Видит Синька и глаза ее цвета фиалок, и губы алые, а еще - как грудь под сарафаном знойно колышится. Бросило Синьку-то в жар: "Ах, ты пёс распёс! Что за невидаль!? За что мне это!? Что с этим делать!?" А девица-то подплыла к нему, руки ему на плечи закинула да и в глаза заглядывает: "Али не любя я тебе, суженный мой? Али соперница есть счастливая у меня?" А сама все к Синьке прижимается, да взгляд его ищет. Не выдержал тот такого испытания, решил, что горячка белая к нему собственной персоной явилась. Скинул он девичьи руки с плеч, да обратно в дверь метнулся, решил до больнички добежать, там фельдшерица знакомая сердобольная, авось поможет.

Да только не тут-то было! Синька за порог, а там море синее плещется, конца края тому морю не видать. "Ах, ты пёс его распёс! - воскликнул перепуганный не на шутку мужичок, - Что же это за наказание-то, пёс его распёс! Видно хорошо я башкой приложился, раз такие глюки словил! Эх, ты пёс распёс, если выкарабкаюсь, как есть, завяжу!" Подумал так, да обратно в дом зашмыгнул. А девицы-то уж и нет. Все есть: и тепло, и стол, и пироги! А девицы нету. Вместо нее чудная старушенция: седенькая, сухонькая и очень сморщенная.

- Ну и чего, ты молодец, мечешься? Чего шмыгаешь туды-сюды? Сказали ж тебе, что суженный, ряженный... А ты чего? В счастье свое поверить испужался? Или девица не поглянула? - старушка говорила на удивление звонким, почти детским, голоском, - Ну чего вылупился? Прошмыгал счастье свое и лупает глазами, тепереча!

- Ах, ты пёс распёс..." - начал было что-то говорить Синька, но старушка не дала ему закончить. Она шлепнула сухой ладошкой по столу:

- Тихо! Спросить меня ты можешь, но токмо единожды! А потому - думай хорошенько, чего спрашивать будешь! Усек? Синька сглотнул и кивнул. - Ну тогда садись за стол, да ешь! - бабка словно у себя дома открыла шкаф и поставила на стол глубокую тарелку.

- Вот! Щец похлебай! Али не хочешь щец? - Хочу!" - выдохнул Синька, который нормальных щей уже лет сто не едал и, который про себя, по привычке, подумал: "Ах, ты пёс распёс!" Не стал он дожидаться нового приглашения, а шлепнулся на ближайший стул, пододвинул к себе тарелку и, схватив ложку, начал за обе щеки уписывать наваристые щи. Старушенция-то, к облегчению Синьки, за стол с ним не села, и распросами не докучала. Она сновала по дому, как по своему собственному, и что-то перекладывала с места на место.

Синька со щами управился, а бабка уже рядом. Чаю ему налила, да поближе подвинула пироги: - Наедайся, касатик! Путь твой не близкий! Синька было вопросительно посмотрел бабке в глаза, но тут же вспомнил ее наказ про вопросы-то, да и промолчал. А старушенция

удовлетворенно кивнула и снова засуетилась по дому. Наелся Синька, наконец-то, пирогов, но виду не показал. Сделал вид, что еще ест, да давай осматриваться. Видит, что дома-то он дома, только дом его странным образом преобразился: исчезли тенёты по углам, на окнах веселенькие зановесочки висят, пол чисто вымытый да полосатыми половичками застеленный, а еще и печка сверкает свежей побелкой...

- Ты чё расселся? Так и будешь в труселях своих рассекать? Старушенция-то сердито смотрит, но не зло, а Синька бабушку свою вспомнил. Та тоже, бывало, когда ругала его, никогда не злилась.

- Ах, ты пёс распёс! - Синька подскочил да и бросился в комнату штаны искать. А барахлишко-то его нехитрое, все на акуратно застеленной кровати и лежит. И штаны и рубаха, все было чистым и поглаженным. Синька, стеснительно на старушенцию олянулся, да и начал натянул штаны. И рубашку чистую, на которой вдруг все пуговицы оказались.

- Готов? - бабка-то заулыбалась, да и игриво подмигнула Синьке зеленым глазом, - Ну раз готов, то и в путь пора!

Синька-то и забыл про наказ старушки обдумать свой вопрос прежде чем задавать, ну и спросил: " Куда, пёс распёс?"

А бабка-то вздохнула, но снова не рассердилась. Пошамкала тонкими губами, да назидательно изрекла:

- Туда, касатик, ты пойдешь, где потеряешь и найдешь!

Синька-то сперва кивнул, а потом как рассердится. Прямо зло его взяло - и на старушенцию эту, и на себя:

- Ах, ты пёс распёс, это куда? Ты что это, бабка, мне тут командуешь? Ты кто вообще? Откудова вы все тут взялись и чего хотите от меня, пёс его распёс!?

И вот, пока, он говорил все это, с жилищем-то начало происходить что-то жуткое и непонятное. Стены брезжить начал, заколыхались и поплыли. А старушенция сделалась вдруг какой-то полупрозрачной. Синька-то замолчал. Смотрит на эти метаморфозы, а старуха протягивает, дает ему сумку старую холщевую:

- На-ко, бери! С умом пользуйся! Каждое - на один раз в помощь тебе! Не сумеешь, тогда, как знаешь!?

Синька-то машинально и схватил эту сумку, а старушенция растворилась в воздухе совсем, собственно как и весь Синькин дом. Ни дома, ни бабки. Стоит Синька на берегу моря один одинешенек. Никого вокруг, только чайки орут, да море шумит, волнами на берег накатывая. - Ах, ты пёс распёс! - Синька налево посмотрел, на право глянул, да и повернулся к морю спиной. А прямо перед ним камень огромный, а на камне надпись: "На лево пойдешь - сразу помрешь, на право пойдешь - жену найдешь, прямо пойдешь ума наберешь!" Почесал Синька ушибленный свой затылок: "Ах, ты пёс распёс, куды ж иди-то?" Уселся у камня да и стал размышлять. Между делом сумку, что старушенция ему дала, открыл.

Заглянул и выругался по привычке: " Ах, ты пёс его распёс!" Лежат в сумке Синькины старые сланцы, в которых он чуть было башку не разбил, бутылка пустехонькая поллитровочка, да пирожок. "Ах, ты пёс распёс, могла бы хоть пирогов побольше положить! - подумал с досадой Синька и на ноги поднялся, - Эх, в путь, так в путь, пёс его распёс!"

Глава 2

Вот, стоит Синька у камня, чешет голову, свою ушибленную, да размышляет о том, какое из направлений выбрать.

- Ах, ты пёс его распёс! Оно, конечно, можно налево пойти... Даже надо, наверно, мне туда пойти, чтоб уж жизнь моя никчемная и закончилась...

Синька кругом себя оглянулся, да посмотрел долгим взглядом туда, где надпись на камне сулила смерть. Бежит тропинка куда-то вдоль берега, и ничего не говорит об опасности, там грозящей.

- Так-то, пёс распёс, помереть я всегда успею, чего торопиться!? - поскоблил Синька небритый подбородок и снова уставился на надпись, - Ума у меня и так в достатке, пёс распёс, чего мне его искать! Получается, надо за женой идти... Ах, ты пёс распёс! Меня ж старушенция за ней и отправила! Все! Иду за женой, пёс его распёс!

Выдохнул облегченно Синька после решения такой сложной дилеммы да и, уж было, на тропинку правую ступил, но тут смотрит: у камня блеснуло что-то. Наклонился Синька, глядит, а в траве монетка лежит дивная. Поднял он ее да разглядывать принялся. Видно, что денежка старая, из металла желтого, да только от старости почернела совсем, еле-еле можно разглядеть, где, как говорится, орел, а где решка. "Ах, ты пёс распёс, кто-то потерял ее тут, - подумал Синька, - Видать, мне на удачу!" Сунул он руку с монеткой в карман штанов да и зашагал вдоль бережка туда, где судьба предвещала ему жену.

Море рядышком плещется беззаботно, шелестит волнами о берег, чайки орут, а в голове Синьки уже мысли зрею, как найдет он себе жену, ту самую прекрасную девицу, что суженным его назвала. Растянулись Синьки губы, сами собой, в счастливой улыбке, когда он представил, как живет душа в душу с этой девицей, как детишки его, Синьку, папой называют.

Так и шел бы себе Синька, пока не дошел до того места, где его суженная дожидается, но неожиданно прямо рядом с тропинкой, можно сказать из ниоткуда, возникла огромная печка. Самая настоящая, русская, кирпичная печка! Не было и, вдруг, появилась!

Стоит себе печка, почихивает, из трубы дым валит, в воздухе аромат выпечки витает, ноздри щекочет, да аппетит разгоняет.

- Ух, ты пёс его распёс, - Синька, увидев печку, аж присел от удивления, - Прямо как в сказке! В этой, про гуси-лебеди!

Обошел он печь вокруг.

- Надо же! Топится ведь! Сама! - он огляделся кругом, - А где же хозяин печурки, пёс его распёс!? Кто пироги печет? Может жена, которую я ищу? Ауууу!

Закричал Синька, прислушивался, да и крикнул погромче,

- Аууу! Жenuшка! Суженная! Выходи, не прячься! Я тебя нашел!

- Размечтался! - раздался ехидный такой, ворчливый и совсем не женский голос, который издевательски продолжил, передразнивая Синьку, - Ауу! Бегу, бегу, мой дорогой, аж лапти растеряла!

Синька во все глаза на печь испуганно уставился, потому как голос явно исходил от нее. Никогошеньки не видать!

- Ах, ты пёс его распёс! Кто тут! - Синька в топку заглянул, на шесток, - Кто говорит-то? Не сердчай! Не знаю я, пёс его распёс, как у вас тут принято! А у нас, все что говорит - рот имеет...

- И у нас имеет! - проскрипел голосок из печки, - Однако же откуда мне знать, стоит с тобой говорить, а ли нет! Кто ты? Куды идешь?

- А на Кудыкины горы, пёс его распёс! - рассердился тут Синька, - Сколько можно на до мной издеваться!? Коли у меня горячка белая, в больницу мне надо! Лечиться буду! А коли,

правда, я в другом мире, на сказочном острове Буяне, так убедиться хочу, что не глюк это, пёс распёс! Давай, показывайся, кто ты!!!

В ответ в печи-то что-то зашубуршало, застучало да и затихло. Даже чайки в этот момент над морем орать-то перестали, присели недалеко от печи, да стали Синьку разглядывать, мол, чего ты, парень, бузишь. Синька ждёт-пождёт - тишина в ответ.

- Эх, ты пёс его распёс, - проговорил он раздосадованно, - Хорошо! Расскажу я тебе, Печка, кто я и почему!

Одобрительно загудела печка, а Синька уселся удобно напротив ее да и, собравшись с мыслями, начал свой рассказ.

- Зовут меня Синька...

- Почему, это? - скрипуче раздалось от печи, - Разве это имя?

- Да, какое, там, имя, пёс распёс! - Синька почесал шишку на затылке, - Не имя! Погоняло! Прозвище! Понимаешь?

- Ага! А почему такое?

- Пьющий я, пёс его распёс! - Синька даже улыбнулся, - Ну, а чё, с утречка бахнешь беленькой, и все! Ни забот, тебе, ни хлопот! И красивый я, и умный я, и работающий... правда, для людей - синий - вот и Синька, потому.

- Ну-ну! - проворчал голос в печи, - С тем, кто ты такой, все понятно. Идешь-то куды?

- Не знаю... - голос Синьки тихим стал, неуверенным, - Может никуда не иду, а валяюсь сейчас на своем крыльце с пробитой башкой...

- Как же ты можешь там валяться-то, коли ты тут?

Синька глядь, а рядом с ним малюсенький такой, старичок стоит. Сам в шапке, телогрейке да валенках, а дрожит весь, аж ходуном ходит.

- Ты кто?

- Я-то? Дух Печной я. Можешь Дедкой меня называть, можешь - Хозяюшкой!

- Ни чё се! А дрожжишь-то чё?

- Так мерзну я, коли не в печи!

- Ну, лезь обратно, не морозься? Хочешь, вот, рубаху мою забери! Я-то, закаленный! Не замерзну, небось! Штаны не дам! Негоже без штанов-то! А рубаху - на!

Синька уж и раздеваться начал, пуговицы на рубахе расстегнул, да только остановил его Печной Дух:

- Твоя рубаха для меня негожа! Сгорит в печи, и все! У меня-то одежда особая, не горит она!

- Ух, ты! - восхитился Синька, - Здорово, пёс его распёс!

- Так, так, так! Санька, ты Санька! - дедок похлопал Синьку по плечу, - Так, ведь, мать-то, небось, называла?

- Ага, пёс распёс! - Так, вот, Санька! Я тебе три совета могу дать, а ты уж сам реши, слушать тебе моих советов, а ли нет...

- Слышал я когда-то, что советы дураки раздавать любят...

- Вот я и вижу, что ты шибко умный и ни чьих не слушаешь! Я три совета дам, а ты верный выбери! Глядишь все и образуется... Но сначала, все ж скажи мне, как ты попал сюды?

- Да как! На крыльце подскользнулся, пёс распёс, башкой ударился. Очнулся, в дом захожу, а там красавица, говорит, что я ей суженный, прикинь!?

- Ну, а ты, видать, не поверил?

- Неа! Выскакиваю на крыльцо, а около него море, пёс распёс! Я назад, в дом! А там - бабка старая, вместо девки. Вот бабка-то мне и сказала, иди-ка, сынок!

- И ты пошел?

- Не хотел я никуда идти, но она мне всучила сумку... Вот! - Синька протянул Печному Духу холщевую торбу, - Глянь-глянь, самое необходимое туда засунула!

Даже не взглянул Печной Дух на протянутую к нему сумку, снова вопросы задает:

- А потом что?

- Что-что! Ах, ты пёс его распёс! Потом она исчезла на фиг! Между прочим, вместе с домом моим, и нормальным миром, где я до того и жил, вот так!

- Делалаа! - юркнул Печной Дух в печь, согрелся да и снова появился рядом с Синькой, - Слушай советы...

- Вот весь во внимании! - съехидничал ему Синька-то, но старичок на это никакого внимания и не обратил даже.

- Совет первый: чтобы пожениться - надобно влюбиться!

- Это прямо, откровение от...

- Совет Второй... - Печной Дух даже бровью не повел на Синькино ехидство, - Съешь пирог, что старуха тебе дала, прямо сейчас. Я тебе взамен десять дам!

- А третий? - тут у Синьки глаза на лоб полезли от удивления, потому как из печи непонятным образом, словно кто невидимый хозяйничает, противень с пирогами да шаньгами появился.

Тут же ниоткуда, а прям из воздуха, и самовар материализовался, да запыхтел рядом с печкой.

- Третий? - откусил старичок, смачно так, сразу пол-пирога, неизвестно откуда в его руке появившегося, да жуёт неторопясь, на Синьку хитро поглядывает, причмокивает. - Третий совет мой такой. Иди прямо!

- Прямо куда? - уставился Синька на Духа, а потом руками махать начал, - Туда? Туда? Туда? Куда?

А Печной Дух засунул вторую-то половину пирога в рот, да снова хитро глядит на Синьку:

- Так ты что, Пирог-то, что старуха дала, есть будешь? Я десять дам!

- Нет! Бабка же сказала, что с умом, пёс распёс! А я! Что просто сожру? Не, не буду! Ты свои пироги ешь, а мне мой останется. А теперь говори, прямо - это куда? Туда? Сюда? Или вернуться и от камня прямо?

А старичок-то отвечать и не думает. Развернулся да и юркнул в печь. Печка как запыхтит, а потом зашумела, загудела и, ни с того ни с сего, рванула с места и помчалась в сторону леса, что за холмом виднелся. Синька как стоял, так и шлепнулся на землю от неожиданности: "Ах, ты пёс распёс!" Тут уж он, не долго думая, открыл свою сумку и зачем-то проверил, не пропал ли и пирожок, что так Печного Духа волновал. Оказалось, что на месте пирожок, лежит себе в сумке, полеживает, заботливо старушеницей в бумагу завернутый. Вздохнул Синька облегченно да и на ноги поднялся. Вот, тут-то, ни к селу ни к городу, в Синькином животе очень-очень громко заурчало. Так громко, что и чайки, что рядом были да по берегу ходили, на Синьку оглянулись да крыльями взмахнули, прочь улетели. Но, да только, и Синька - мужик бывалый. В его-то кишках и по три дня ничего, кроме беленькой-то, не было, и ничего страшного. Да все же, вот тут-то, Синька с досадой и вспомнил недавнего своего собеседника и советчика.

- Ах, ты пёс его распёс! - говорит Синька, а сам в ту сторону гоядит, куда так шустро печка укатила, - Минуту бы обождал этот Дух Печной, и я - и поел бы, и подарок от него бы заимел на дорогу. Вот, ведь, пёс его распёс!

Синька и в сумку снова полез, да опять злощастный пирожок достал. Глядит, любитесь, а аромат этого пирожка Синькин нос щекочет. Ну, а Синька что же? Психанул он, вот что! Заунул еду в сумку обратно, потому как решил, что может и потерпеть, а есть начнет только когда совсем не в мочь будет.

И вот, справившись таким образом со своим голодом, давай Синька советы Духа Печного вспоминать:

- Ах, ты пёс его распёс! Хитрый дедок-то! И советы чудные надавал, и удивил меня! Не с проста он мне тут повстречался! Ох, не с проста, пёс его распёс!

Думает так, а сам по тропинке своей вперед топает. Топал, топал и, вдруг, встал как вкопанный, опять шишку на затылке чешет. Пришло ему в голову, что советы у Духа Печного с заковыкой, непростые советы-то.

- Ах, ты пёс его распёс! Дед же сказал, что только один совет правильный. Чего он про женитьбу сказал? Что, надо влюбиться!?! Что к чему? Фигня! Тааак! Пёс его распёс! Про пирожок и думать нечего... Сказал еще, что прямо иди... Вот тут - загвоздочка! Прямо-то - это куда? Туда? Куда иду? Или от камня прямо? Тааак!

Встал Синька да назад даже оглянулся, возвращаться-то ему не хотелось, но сомнение в правильности выбранного пути, закралось в его душу. Вспомнил он, что на камне было написано, мол, ума наберешься. Синька-то дураком себя, вроде, и не считал, а потому и надобности за умом ходить не видел. Но вот слова Печного Духа о том, что один из его советов Синьке пригодится, сомненье в душу и посеяли и, теперь, покоя не давали. Напрягся Синька в размышлениях своих, задумался о том, зачем и куда идет. Хотел уж плюнуть по привычке на все да путь продолжит, но тут руку-то машинально в карман и сунул, а там монетка, у камня найденная.

- Ах, ты пёс его распёс! - обрадовался Синька, - Орел - иду дальше, решка - вернусь к камню! Подбросил монетку-то. Высоко та подлетела, блеснула на солнышке желтой искрой да упала Синьке на шершавую ладоно. Прихлопнул он ее второй рукой, да замер на мгновение, подумав, что сейчас его судьбинушка и решится. Постоял нерешительно, вздохнул да и поднял ладонь.

Лежит монетка в ладони Синькиной и не ведает, что решила только что судьбу его. А Синька глянул на нее да и сунул назад в карман. Засмотрелся, было, на лес, куда печка укатила, а потом махнул сам себе рукой и зашагал спокойно туда, куда, по его, Синькиному, мнению, судьба велит...

Глава 3

А судьбинушка велела прямо идти, как Дух Печной и советовал. Вот идет Синька, шибко не торопится, по сторонам смотрит и природой любуется. Песенку детскую, было, затянул, типа:

- Вместе весело шагать по просторам, по просторам, по просторам!

И, конечно, напевать - лучше хором, лучше хором, лучше хором!

Да, только, не пошла песенка, настроение - не то. Потому как мысли, в Синькиной трезвой голове, появились. А мысли непростые, тяжелые да тревожные. Вспомнил он и мамку свою, горячо им любимую.

Как на яву увидел и то, с какой нежностью она на него глядела. Гордилась им мамка, хвалила его перед соседями: "Поглядите, какой сыночек у меня, умненький да красивенький! И в школе молодец, и дома помощник!" Вспомнил Синька, как горько вздыхала мамка, когда приходил он уже взрослый, с армии только вернувшийся, домой навеселе. Вздыхала, ругала его, что "пристрастишься, да не отвяжешься потом!" Да только не слушал Синька мамку. Он вообще, по жизни-то, никого не слушал, потому, как считал, что сам большой, умный и самостоятельный. "Эх, ты пёс его распёс! - вздыхал молча Синька, топая по каменистой тропинке, - Тридцать лет мне уже, а кто я? Синька? Зачем родился на белый свет? Для чего живу? Когда же жизнь-то свою успел профукать, пёс его распёс!"

И долго бы так Синька в мыслях своих прошлое ворошил, да плакался сам себе на жизнь свою никчемную, да только свело его желудок очередным голодным спазмом.

Громко-громко заурчало в Синькином животе, словно заорал кто от туда: "Давай кашу!" "Ах, ты пёс его распёс! Ни хрена! - ответил своим кишкам Синька, - Терпите! Не сожру я этот пирожок, что старуха мне с собой дала! Не сожру! Всего ничего бродим, а вы уже жрать просите! Думаю бабка мне его с умыслом дала, раз сказала с умом распорядиться. А какой же в том ум, чтобы просто взять и слопать!"

Кишки завывали громче, в глазах от голода темнеть стало, а голова ушибленная еще пуще трещать начала. Притормозил Синька на тропинке утопанной, огляделся вокруг, в поисках того, чем можно было бы голод уталить.

От берега-то он уж далековато утопал и сейчас его путь через березовую рощицу лежал. Хорошо в рощице, кроны деревьев от знойного солнца Синьку прикрывают, шепчут что-то листвою своей изумрудно-зеленой. Под березками такая же зелененькая травка мягким ковром стелится. Красота-то неописуемая, да ничего съестного в красоте этой не наблюдается. "Эх, ты пёс его распёс! Не сезон, видать, еще здесь для ягод и грибов! - с досадой думал Синька да кусты под березами обшаривал, - Да, ведь, и то хорошо, что тепло! Я-то из зимы сюда попал! То бы пришлось по сугробам-то ползать!"

Попробовал он и травки, было, пожевать, но кишки пуще прежнего выть начали, еще и в горле совсем пересохло, пить захотелось. Ноги от голода и жажды плохо идут, в глазах совсем темно стало. Но Синька тут уж свою пожизненную вредность и включил. "Ах, ты пёс его распёс! Не взять меня голыми руками! - словно в бреду сам себе говорит, да по тропике ноги волочит, - Испытанье мне такое решили устроить!? Закинули в хренову даль, голодом и жаждой морите!? Думаете, что совсем я никчемный, ни на что не годный!? Так вот вам сюрпризец! Пёс его распёс!"

Так сам себя уговаривает, и даже надежду себе придумал, что жилище какое впереди быть должно, а там и еда. Вроде даже и полегче стало у него на душе. Повеселел Синька, обрадовался, что, вроде, он сам себе хозяин, а тут глядь: на его пути колодец стоит.

- Ага, пёс его распёс! Значит правильно я все делаю! - думает про себя Синька, - Вот оно, подтверждение! В сказках всегда награда для тех, кто безвинно страдает и мается есть!

Подошел он к колодцу и, хоть жажда его невыносимая мучила, подивился да полюбовался странностями сооружения. А дивиться и любоваться было чем. Из далека понятно было, что это колодец, потому как журавль над сооружением имелся, небольшой такой, но журавль и ведерышко небольшое приторочено, как и положено. А сам колодец, видно, с древних времен здесь стоящий, а потому у основания замшелостью покрывшийся, из белого и черного камня по кругу выложен, как говорят, в шахматном порядке. Но это еще не все дивное.

На каждом камне изображеньице имеется, мастером-руkotворником созданное. Рядом с колодцем - лавочка низенькая, мол, присядь, путник, водицы испей, отдохни да картинками на камнях полюбуешься. Загляделся, было, Синька на камни, странность увидел: на белых камушках мастер веселых людей изобразил, с лицами добрыми. А вот, черные картинки Синьку даже испугали, отпрянул он, начав их разглядывать и ни с того ни с сего перекрестился даже, хотя уж думал и не помнит, как это делается. Но и Боженьку со страху вспомнил и Святых Угодников.

Но делать-то нечего! У колодца быть, да водицы не испить - это не про Синьку. На всякий случай еще раз перекрестившись, да стараясь на камни черные не смотреть, подошел Синька к колодцу, да и за журавль взялся.

Взвизгнул жалобно журавль, забренчало ведерышко цепью к нему привязанное, а Синька знай себе опускает цепь в колодец. Перебирает цепь, перебирает, да не слышно, чтоб ведерышко о воду бультыхнулось. Глянул Синька вверх - вот, он, журавль рукой потрогать можно. Глянул Синька вниз, да и закружилась у него голова. Отпрянул было, но пить-то хочется. Он по-новой в колодец и заглянул...

Только, не зря же издавна говаривают, что нельзя в колодезную воду долго глядеть. А Синька-то загляделся, не понимая, от чего ведерышко-то не в воде до сих пор. А как загляделся, так и наплыла на него тьма, нахлынула, всю жизнь перед глазами пролистала, да на детском воспоминии Синькин разум и задержала...

- Ты, внучок, пока я в больнице буду, покорми мою Мурку. Молочка ей наливай. Пусть в бане пока поживет. Ты ее вечером на улицу выпускай, чтоб погуляла. Она далеко не уйдет. Да обратно в баню, потом. Боюсь собаки вон бегают без привязи, а у нее котятки скоро появиться должны! - наказывала бабушка, - Не забудешь, кормить-то?

- Да, как забуду бабушка? Не тяжело мне! Не переживай...

Забыл! Забегался! С пацанами то речка, то озеро, то футбол, то рыбалка!

Вернулась бабушка через несколько дней из больницы, а кошка ее любимая, Мурка, в бане мертвая около двери лежит. Дверь исцарапана вся, видать до последнего Мурка за жизнь свою боролась. Плачет Синька - мальчишка двенадцати годов от роду, жалко ему Мурку, стыдно бабушке признаться, что забыл он. Забыл! А Мурка умерла! Бабушка внука по голове гладит и приговаривает:

- Не плачь, внучек! Котятки она ждала. Видать что-то неладно было. Ты же ведь кормил ее!?

А мальчишка кивает, мол, кормил...

Отпрянул Синька, свалился рядом с колодцем и заревел вдруг, как тот мальчишка двенадцатилетний, что обещал да не сделал. Плакал и приговаривал: "Прости меня, бабушка! Прости меня, Мурка! Ой, пёс его распёс, простите меня!"

Ревел Синька ревел, да совсем из сил выбился, уснул. Спит и сон видит. Буд-то сидит Мурка рядом с ним у колодца, белую мордочку лапкой моет. Вымыла да на Синьку зелеными глазами уставилась.

- Реви не реви, а горю ревом не поможешь! - говорит она Синьке человеческим голосом, - Давно простила я тебя, а вот, когда умирала с детишками своими нерожденными, тогда зла я на тебя была. Нехорошего тебе пожелала. Колодец этот не простой, сам уж понял, вижу. Это колодец забвения, показывает путникам то, что забыто, но душу мает. И водица в колодце

тоже непростая. Живая водица-то. Ты дар колодцу оставь, а у воды прощенья попроси. Может очистится душа-то твоя...

Синька к кошке, слова сказать не может, погладить ее хотел. Но Мурка промурлыкала ему что-то похожее на: "Свидимся еще!", - да и исчезла.

И Синька, тут, глаза открыл. Лежит в небушко голубое смотрит, про бабушку, Мурку и свой сон невесело думает. Стыдно за детский свой проступок, за безответственность, за то, что бабушке наврал. А пуще всего стыдно, что по его вине Мурка погибла. Давно все было, в детстве, забыл тогда об этом Синька, через месяц, потому что не хотел помнить. А надо же, сегодня вспомнил...

Тут в животе Синьки снова выть начало, мол, есть хочу. Вскочил Синька на ноги, достал из сумки пирожок и, не задумываясь, осторожно на край колодца положил.

- Вот! Дар это!" - смущенно сказал он сам не зная кому, да глубоко вздохнув, в колодезную глубину опять глянул. Ничего. Далеко внизу небо голубое отражается, облака. Цепь, что ведерышко держит под водой, змейкой под эту воду и убежала. Потянул Синька за цепь, смотрит - ведерко показалось. Веселее стал Синька руками перебирать, вот и водица.

Поставил Синька ведерышко на край колодца и говорит:

- Прости меня! Прости, меня бабушка, что наврал я тебе, что забыл про Мурку. Прости меня Мурка... Простите меня все...

Договорить толком и не успел, а над ведерышком вроде как рука чья-то появилась. Синька и не понял ничего, а рука воды из ведра зачерпнула и в лицо ему плеснула. Не грубо, а так, как мамка в детстве умывала. Умыла и исчезла рука-то. А у Синьки на душе, вроде как, легче стало. Отступило воспоминание стыдное, осталось памятью о доброте бабушкиной, да убеждением твердым, что выполнять обещанное надо, да уметь признавать вину свою.

Наклонился Синька над ведерышком и прильнул, наконец губами к воде... Напился Синька водицы, и, вроде, жить захотелось. Есть-то, по-прежнему хочется, но кишки уж так громко не воют, и голод тоску не нагоняет. Оторвался Синька от водицы студенной, выпрямился да потянулся хорошенько. Почувствовал, что, буд-то бы, силы в нем прибавилось, да и в мозгах, тоже, посветлело и прояснилось чуть.

- Вот, ведь, пёс его распёс! - подумалось Синьке, - Иду не знаю куда, не знаю за чем! Или же в правду, старушенция меня сюда жениться отправила!? А коли жениться, так чего кругом ни души? Хожу, словно, один я в мире!?

Синька оглянулся кругом, березки кронами шуршат, в их ветвях птички щебечут птичьими делами занимаясь; небо над головой голубое-голубое.

- Хорошо! - подумал Синька, - Только, ведь, не старушенция меня сюда отправила! Я и забыл совсем! Мне ж девица, которая суженным назвала, так и сказала, что дождалась меня на острове Буяне! Ах, ты, пёс распёс! Вот дурень-то! Точно! Бабулька- то, только сумку мне дала да идти сказала!

Синька аж вспотел, от сделанного им открытия. В который раз уж оглянулся он кругом, да на лавочку у колодца присел, чтобы думалось-то лучше.

- Ну, да! Пёс распёс! - размышлял Синька, закрыв глаза, да солнышку лицо подставив, - Она так и сказала! А что это значит? Как попал я сюда? Упал, очнулся - гипс!?

Расстянулись Синькины губы в беззаботной улыбке, когда он старую шутку вспомнил.

- Ладно, не гипс, а остров. Остров Буян! Короче сказочный это остров, а я, получается в сказке! Вопрос: в какой? Или это моя сказка?

Синька открыл глаза, поискал глазами сумку, что старушка ему в путь дала. Нашел, повертел сланцы в руках, да назад засунул. Бутылку пустую достал.

- Эх, ты, пёс распёс! Бабка сказала, чтоб с умом тратил я это богатство дурацкое! А как использую, так все, копец, самому выкручиваться! - Синька в ведерышко с водой заглянул, - А мне бы водицы с собой набрать... Вдруг, наберу, а бутылка исчезнет? Ай, была не была!

Держит Синька бутылку полную воды в руках, ждет, что исчезнет та, пропадет бутылка. А она не пропадает. Стекло запотело снаружи, помутнело, все по законам физики, как и положено, внутри-то водица студеная, а снаружи жара сорокоградусная. Засунул Синька бутылку-то в сумку, минут пять посидел, подождал чего-то. А потом схватил сумку, да заглянул во внутрь. Бутылка - в сумке полнехонькая лежит, себе, полеживает, никуда не исчезает! А значит, так тому и быть. Пора бы и путь продолжить. Напился на дорожку Синька еще раз из ведерышка, сумку подхватил, на плечо повесил, да зашагал по тропинке дальше.

Идет, по сторонам глядит, вспоминает, как в детстве с бабушкой по грибы и ягоды в лес ходил. Идет, на тропинку-то не шибко смотрит. А чего на нее смотреть, она впереди бежит, твердая да утоптанная, ноги по ней сами шагают.

Шагали-шагали, да запутались, заплелись меж собой, от чего взмахнул Синька руками, да шлепнулся задом-то о землю. Шлепнулся и сидит, не поймет, чего вдруг. Дорога ровная, ни корней на ней, ни сучьев! Чего упал? Глянул на ноги-то, а ноги в валенки огромные обуты! Смотрит Синька на валенки-то и удивляется не тому, что они неизвестно как на ногах его появились, а тому, что уж больно они большие. Такие, словно с великана сняты. Поудивлялся Синька, снял их, да голову по привычке чешет: чего с ними делать-то? Взял, да и поставил под березкой, не тащить же их с собой. Закатал Синька штанины на штанах, носки снял, да путь свой решил босиком продолжить, благо, что жара вокруг. На всякий случай сумкино содержимое проверил - все ли на месте - да дальше зашагал.

Не успел и пары шагов сделать, а ноги снова заплелись. Синька глядь, а валенки-то снова при нем, идти мешают.

- Ах, ты, пёс его распёс! - думает Синька, а сам по сторонам внимательно поглядывает, - Кто это шуточки решил пошутить!? Не иначе чье-то колдовство дурацкое!?

Пооглядывался, никого не увидел. А оно и понятно, как увидеть того, кто этого не хочет!? Видит Синька, только, что лес странноватым стал. На березках вместо листочков - иголки появились, кое-где пеньки вверх ногами торчат.

Перевернул Синька пенек, что рядом с тропинкой обнаружился, да и уселся на него: сидит ждет, про себя думает, что шутник сам покажется, а сам все больше удивляется. А и есть чему удивиться, потому как мимо заяц проскочил окрасом на шмеля похожий, а потом рядом на кусту, вдруг грибы появились. Висят всякие разные словно яблоки на яблоне. Синька к грибам руку протянул, а они словно мыльные пузыри, лопаться стали.

А потом куст и вовсе, зашевелился, затрес ветками да и отправился в глубь леса.

- Да, кто же это шутики шутить удумал, пёс его распёс!? Выходи, шутничок, может и я тебе нашучу!

Крикнул, Синька, а сам оглядывается- не покажется ли кто? Да, только, шутник не нашутился еще, видать, и показываться не собирался вовсе. Зато появился на тропинке дедок маленький да босоногий, на Духа Печного похожий. Разница, только в том, что тот розовый да упитанный был, а этот сухонький да растрепанный.

Ковыляет дедок, потихонечку, видать устал, умаялся от жары. Вскочил Синька, рад-раде-хонек встрече. Вдвоем-то веселее шагать будет, да и, может, дедок порасскажет чего про остров этот Буян.

Дедка близко подошел, а Синька, вспомнил сказки, что в детстве читать любил, низко так до земли деду поклонился да и говорит:

- День добрый, дедушка! Присядь со мной, отдохни, да Расскажи, куда путь держишь!

Глава 4

Дед на Синьку удивленно глянул, да пальцем у виска покрутил:

- Ты чего это, паря, раскланялся тут? Из ума что ли выжил, а ли голову мне заморочить хочешь?

А сам, таки, уселся на пенек, на котором до того Синька сидел. Уселся, ногу на ногу закинул да пятки свои разглядывать стал.

Синька-то оторопел сперва от неприветливости деда, но увидел, что тот огромные водянистые мозоли на пятках натоптал, того и гляди лопнут. Жалко стало Синьке деда, помочь захотелось, а как, не знает. Вспомнил он, что в сумке у него бутылка с водой есть, а вода та, вроде как, живая. Вынул Синька бутылку из сумки да деду протягивает:

- Возьми, дед, напейся, да и мозоли свои помочи. Авось полегчает, пёс его распёс!

Дедок кряхтит, но от воды не отказался, взял, отпил чуток. Потом обратно Синьке протянул. Тот рукой махнул:

- Ты досыта пей, пёс его распёс! Напивайся! И раны свои помой тебе говорю!

Замер дедок на мгновение, словно сомневаясь, а потом послушался чудаковатого мужика что кланяться ему тут принялся. Отпил он еще водицы, преобразился, вроде, даже помолодел. Да и мозоли мыть не пришлось - на глазах стали затягиваться, словно и не было их никогда.

Синька на деда-то молча пялится, чудесной воде удивляется, а дед кряхтит, да на него из под седых бровей поглядывает и молчит. Неловко от молчания этого Синьке, да что поде-лаешь, коли дед-то неразговорчивый. Повернулся он к нему спиной, да уж путь свой собрался продолжить, да тут дедок-то и спросил:

- Ты кто таков, паря? Куды идешь?

Мигом развернулся к старику Синька, да тараторить начал, словно не мужик взрослый, а парнишка маленький:

- Я, дедушка - попаданец, пёс распёс! Так в моем мире называют людей, которые, ни с того ни с сего, умудряются куда-то в чужой мир попасть. Зовут меня Синька. А иду я прямо за своей суженой. По пути ума набираюсь.

- Ну-ну! Много, видать, набрался, коли в такую жару мне всю воду-то отдал! Но это дело твое! А, может, и поесть у тебя отыщется?

- Нее, дедушка! Не отыщется! Был пирожок, да я его уже отдал!

Синька для достоверности-то сумку свою деду показывает. Тот и заглянул. Потом на Синьку глаза поднимает и с укором, так, говорит:

- Нехорошо, паря, стариков-то обманывать. Тут у тебя пирожков-то, на роту солдат хватит!

Синька сумку хват, а она и вправду полна пирогов. Ничего Синька не понял, откуда богатство такое взялось, молча сумку деду отдал, мол, угощайся. Дедок и угостился. А чего не угоститься, раз предлагают.

Стоит Синька, и опять молча глядит, как дед пироги жует да водицей из бутылки запи-вает. Пару раз даже слюну сглотнул, уж так аппетитно дедок чавкал. Так и стоял бы, глазел, если бы дедок-то, сумку ему не протянул, да не сказал, мол, тоже, угостись. Взял Синька пиро-жок, удивленно в руках повертел, не зная как объяснить, появление такой роскоши, а потом с удовольствием откусил.

Пирожки-то, еще тепленькие были. Начинка - всякая! И с картошкой, и с грибами, и с ягодами. Наелись путники досыта, водицей студеной запили, да и разморило их на солнышке, вроде, в сон клонить стало. Тут дедок хлопнул себя по коленкам, да и спрашивает:

- А чего, паря, ты пока через заколдованную рощу шел, с тобой ничего странного не случилось?

- Какую рощу?

- Дык, ряхову! Ты чё, не видишь, что ли?

Дед рукой махнул вокруг. Оглянулся Синька. Ничего странного, лес как лес. Ну есть странности, так они не глобальные, чтобы их обсуждать.

- Ты, дедушка, голову мне не морочь, пёс распёс! Она у меня и так замороженная! А странность была, вон, около пня валенки! Сами собой на мои ноги обуваются, да идти мешают, пёс его распёс!

- Валенки, говоришь! - дедок встрепенулся, к валенкам, словно, белка, юрко так бросился. Обхватил обеими руками. Еле-еле их до пня по очерди доволол, такие огромные, - Так, говоришь, они тебе без надобности?

- Совсем не нужны, - отвечает Синька, а сам во все глаза смотрит, как дед с пня в валенки лезет.

Смешно Синьке, но он виду не подает, помог деду, придержал того подмышки, когда тот чуть с пня-то мимо валенок не упал. А дед довольнехонький стоит, валенками любит, руками их поглаживает. Валенки-то, дедовы ноги, не до колен даже, а целиком спрятали.

Синька думает, как же дед теперь двигаться сможет, он-то, ведь, не смог. А дед не горюет, что большие, а говорит вдруг, к валенкам обращаясь:

- Погуляли и пришли

Вновь, хозяина нашли!

По семи путям пойдём -

И счастливый путь найдем!

И тут, прямо у Синьки на глазах, в одно, мизерное мгновение, черные растоптанные, подшитые каким-то великаном, валенки превратились в кросовки, такие, какие до валенок на Синькиных ногах были да исчезли в неизвестном направлении. Синька смотрит на чудо такое, глазам своим не верит. Кросовки и его и не его: эти вроде, поновее будут. А дед-то улыбается, ногами притопывает, довольнехонький!

- Эх, паря, давай-ка, познакомимся! Я - Ряха! Советую с Неряхой не путать, потому как, мы с ним даже не родня! Моя, вишь, фишечка в том, чтоб несуразность какую создать, да запутать кого. Вот тебя запутал и обувку новенькую себе справил!

Синька деда слушает, да весело ему становится от того, как лихо провел его старикашка. "Как он, там, сказал? Ряха!?! Ах, ты пёс тебя распёс! Ну пройдох!" - восхищается Синька про себя-то, а сам во все глаза на деда глядит, смеяться даже начал:

- Слушай, дед, у нас ряхой морду толстую называют! Тебе до такой - оооой как далеко!

- Так, то у вас, паря! А у нас синьками тоже девок синеглазых кличут, ты же не девка!

Вот, поохотали они друг над другом, да перешучивались, а потом Ряха и рассказал Синьке про ряхову рощу. Вернее Синька-то сам догадался, что это его, Ряхи, лес, что это он, суету и несуразность здесь создает. Ну а Ряха и подтвердил, что скучно ему живется. Путники редко хаживают, а потому как только кто забредет, так уж тут он и старается душу отвести. Кого в одежду чужую нарядит, кому рога приделает или копыта, иногда может деревья такими большими сделать, что путнику кажется, что он лилипутом стал, а может и наоборот. Шутки-то, от того зависели, какой человек по роще идет.

Вот, болтали они так, у пенька сидючи, а время-то уж к вечеру. Спихватился Синька, что дальше идти ему надобно, а Ряха и говорит:

- Эх, паря, далеко тебе еще через лес шагать. А лес-то дальше непростой! Мой-то здесь у пня и кончается. А дальше уж начинаются владения дяденьки Лешего. Кабы знал я, где суженная твоя живет, так проводил бы. Да, только, я вишь не знаю, а шляться по лесу, где Леший хозяйничает, мне без надобности. За то, что помог мне, напиться дал да накормил, помогу советом. Хочешь совет-то?

- А почему бы и не послушать, пёс его распёс!? Я с недавнего времени большим любителем советов-то стал!

- Тады, слушай внимательно. Лес этот непростой разные чудности в ём происходить могут. Леший, мой сосед, так тот ночами не спит. Вот ежели ты ему не поглянешься, так из лесу выйти не даст тебе, и будешь ты до конца времен бродить там...

- Так и чего мне делать?

- Ты, паря, это... Ежели, почувешь, что что-то плохое твориться начинает, не пужайся. А скажи такие слова: "Здравствуй, Хозяин леса! Помоги, а не погуби!" Коли не поможет, ведь Леший-то и нерасположен может быть и настроение плохое, так ты на пеньке, каком, дар ему оставь. Коль и это не поможет, то уж тогда, свою одежонку сымай, на леву сторону выворачивай да надевай! Тогда, может решит Леший, что ты неправильный человек, так отвяжется, не станет обижать и морочить.

- Ух, ты пёс его распёс! Ну и наговорил ты мне, дед! Запомнить бы мне все. Ну, а тебе - спасибо за совет, за пироги... Поторапливаться мне надо, дедушка...

- Вот и поторапливайся, внучек! - ехидно сказал Ряха и исчез, как буд-то и не было его тут.

Уставился, было, Синька на то место, где только что дед стоял, да спохватился, что топать дальше надобно. Сумку свою подхватил, заглянул - полна сумка пирогов в полотенце завернуты, сланцы зловещные на дне. "Бутылка! - спохватился Синька, оглянулся - а нет ее, пропала, - Да, и фиг с ней!"

Ступил Синька на тропу и зашагал в настроении не просто хорошем, а прекрасном. Пирожок на ходу жуёт-пожевывает, кишки свои радуёт. Только в скорости и странности появляться начали. Сперва разглядел Синька, как из дупла на дереве заяц вылез, да словно белка, с ветки на ветку скакать начал. Потом, вдруг, по имени его кто-то окликнул. Ну, а уж когда увидел Синька, щучий хоровод вокруг странного вида коряги, по форме похожей на русалку, то понял он, что приметил Леший его, да баловаться начал.

Остановился Синька, потоптался на месте, достал пирог из сумки, на пенек положил, да и говорит:

- Здравствуй, Хозяин леса! Помоги мне, не обижай!

Прислушался - тишина. Решил Синька, что отстал от него Леший, принял пирожок, да и если не поможет из лесу выйти, то хоть мешать не станет. И потопал дальше. Да только стало ему чудиться, что кто-то в спину ему нехорошо смотрит. Чудится-то чудится, а оглянуться Синька не хочет, потому как думается ему, что оглянувшись, он такое увидит, от чего и в штаны наложить недолго. Тут стали ему на деревьях рожи разные мерещиться, а потом уж показалось, что шел он уж тут.

Остановился да махнул Синька рукой, снял всю одежонку, на левую сторону вывернул да обратно натянул. Пока переодевался, удивляться не переставал, потому как одежда-то вся, вроде как, не его вроде. Но об этом Синька решил на ходу поразмышлять...

Ну так вот, переоделся Синька, да путь свой продолжает, а сам думает: "Чё это за прикид на мне, пёс его распёс? Похоже, что костюмчик это мой, который я на Последний звонок в школе надевал! И чего он на мне, вдруг? Наряд, свадебный, для суженной, которую ищу? Или..."

Замер Синька на месте, как вкопанный, по спине холодок пробежал, жутко стало ему от догадки страшной. Стоит он на месте, а вокруг-то темнота сгущается, по земле туман ползет, заколдованный лес звуками загадочными пугает; деревья вокруг зашевелились, хоровод устроили, кривляются да к Синьке ветки-руки тянут. Только стоит Синька на месте, не двигается, все равно ему вдруг стало, пустые, потухшие глаза в землю смотрят.

Тут позади Синьки топанье громкое да шустрое послышалось, не оглянулся даже Синька, стоит как вкопанный. Топанье-то приблизилось и замолкло рядышком.

- Ты, чё это, паря, стоишь-то? Я уж думал и не догоню тебя! А ты - вот он! Стоишь истуканом! Испужался чего иль созерцанием занят?

Глядит Синька на деда запыхавшегося, не знает чего ему ответить. Да и чего отвечать, коли Ряха, этот, не настоящий, а глюк, наваждение, плод воображения, как говорится. Думает так Синька и молчит.

- Ты онемел что ли, паря? - дед не унимается, хлопнул Синьку по локтю, выше-то достать не смог, - Ты, эта, шевелись! Торопиться нам надобно!

- Куда торопиться, пёс его распёс! - заорал вдруг Синька, да сник, - Куда мне спешить теперь, коли помер я?

Уселся Синька на землю, прямо там, где стоял. Посидел немного, а потом и вовсе лег. Лёг и руки на груди сложил, точь в точь, как покойникам в гробу делают. Лежит, дышать перестал, точно покойник. С минуту лежал, а потом глаза как вылупит, да как закашляет. Полной грудью воздуха набрал, выдохнул, а потом еще и еще.

- Как же так, пёс его распёс! Почему ж я дышу-то, коли помер?

- Ты эта, паря, пошли, давай. А я расскажу тебе кой-чего. Пойдешь?

Посмотрел Синька на дедка, на надежду вопросительную в глазах его, да и подумал, что пойдет, что послушает, чего такого тот скажет. Не потому что ему, Синьке, интересно это, а потому что бежал Ряха, догонял его и помочь хотел. Потому что думает этот дед, что он, Синька, человек хороший, а так о нем уже никто давно не думает. О нем вообще уже не думает никто. И шагнул Синька вперед, и пошел, а Ряха рядом зашагал.

Совсем темно вокруг. Туман, что по земле полз, теперь кверху подниматься стал: ватными лохмотьями за ветки цепляется, молочными разводами небо закрывает, звуки лесные корежит да шаги заглушает. Мрачно, холодно и жутко.

- Ты это, паря, фонарь-то, с кармана вынь, а то потеряем тропку, так ищи ее потом...

- Какой еще фонарь? - буркнул Синька деду, но руку в карман сунул, обожгло пальцы чем-то горячим, словно крапивой, - Ах, пёс его распёс!

Синька руку-то из кармана выдернул, а на ладони шарик малюсенький белым светом сияет, пульсирует.

- Ты, эта, не пужайся! - Ряха шарик-то в руку взял да на конец ветки, тут же подобранной, каким-то чудом прилепил.

Поднял ветку повыше, шарик словно силу стал набирать - все ярче и ярче светить начал. В его свете и туман, словно испугавшись, отступил, рассеялся вдоль тропинки.

- А я, эта! Гляжу - звезда покатила. Гляжу - в след тебе прямехонько. Эх, ты думаю, догнать надо, проводить бы до Калинова моста-то. Да...

Не удивился Синька объяснениям деда, решил, что на острове этом, иллюзорном, все, что угодно случиться может. А раз так, то почему бы и звезде сияющей с неба не скатиться и в карман к нему не залететь.

- Не тараторь, дед. Давай, рассказывай мне, где я? Что со мной? И зачем вся эта морока?

Глава 5

- Да ты уж и сам почти понял. - проворковал Ряха в ответ, - На острове Буяне ты, паря. В том месте, про которое ты с детства из сказок узнал и , которое, в голове твоей, местом странным и загадочным обозначилось... Только ты думал-то, что сказки это, так, враки! Выдумка, чтобы детишек баловать. Так я тебе скажу - вам так думать удобнее! Вот вы и не верите в то, что объяснить не можете!

- Значит, правильно я понял, что помер, пёс его распёс?

- И правильно и не правильно!

- Как так?

- Ты, паря, эта! Не перебивай! Послушай меня. Но, для начала, ответь мне: что такое жизнь по твоему?

Не задумываясь ответил деду Синька:

- Жизнь - это когда живешь! Дышишь, ешь, пьешь, по земле ходишь, на мир глядишь...

- Так-то оно все правильно ты говоришь. Только умер ты, паря, не вчерась. Ты давно умер. Когда вот эту самую жизнь, мамкой тебе подаренную, предал, тогда и помер. Лет-то тебе сколь?

-Тридцать...

- А кто ты в мире своем? Че сделал? Кого уважил? Любишь кого? Кто тебя любит? Кто плакать по тебе в твоём мире будет, знаешь? Кто весело тебя вспомнит, кто пожалеет?

Молчит Синька, нечего ему ответить на дедовы слова. А дед не молчит, дальше соль на раны сыплет:

- А я скажу тебе, паря, что нашелся в твоём мире человек, что у Бога за тебя попросил. Нашелся, и второй шанс тебе вымолил, а потому ты здесь! Ходишь, бродишь, ищешь. А дойдешь ли, сможешь ли понять, даже Бог не знает. От тебя все зависит. Нету смерти, паря! Путь есть. У каждого свой. Куды приведет тот путь - никому неведомо...

- Философия, это, дед, пёс его распёс! Демогогия какая-то...

- Философия говоришь!?! Может и философия. Только, вот он, ты. Ходишь, дышишь. Даже пироги уплетал за обе щеки! Так ты живой или мертвый? Как думаешь? А я тебе скажу. Нет сейчас тебя в твоём мире. Исчез, буд-то и не было! Здеся ты, целиком и полностью. Потому, что путь твой сюды повернул. Значит надобно так. Ну, а если нужен там кому, так вернешься, куды же ты денешься-то!?! Среди миров разных, видишь ли, равновесие быть должно, понимаешь?

Топают Синька рядом с Ряхой, слушает да вникает. Хочется ему верить, что не все еще, не конец, что продолжается жизнь...

Тут, в воздухе запах появляться начал. Принюхался Синька, не поймет, то ли угаром, то ли травой какой шибко завоняло, то ли вместе - и тем и другим. Ряха тоже носом зашмыгал, тоже запах смрадный учуял.

- Чё это, дед?

- Близко мы уже. Дотопали. Мост Калиновый впереди через речку Смородину.

- Помню-помню! Читал в детстве я про эту речку и мост. Обычно там богатыри с чудо-юдом сражались. Сдох, что ли, пёс его распёс, чудо-юдо-то, что вонь такая стоит!?

-Эх, тебе бы, паря все шутить да подшучивать... Речка, эта, воняет! Нету там сейчас никакого юды! Потому и Смородина, что смердит!

- Ух, ты! Пёс его распёс! А я думал ягоды там растут. Помню, мамка вкусное варенье варила... А мост? Тоже с кандебобером, каким?

- Ох, непростой мосток этот, паря! Ох, не простой! Из железа каленого сделанный, да огонь в себе затаивший. Не каждый по тому мосту идти может, а потому провожатый на мосту

имеется. Только замудрен и провожатый тот. Ох, как замудрен! Плату берет за помощь свою. Плату такую, что огнем в душе след оставит, выжжет, страдать заставит. Никуда от платы этой не денешься, если хочешь из безвременья выбраться. Но, плату получив, сжалится проводник, зелье даст, чтобы залечить рану саднящую. Тут уж тебе решать: испить зелье, чтобы забыть, то что каленым железом выжжено будет, либо помнить... Но другого пути нету, паря. Не захочешь через реку идти, неволить никто не будет. Останешься в безвременье до той поры пока память о тебе в мире не истлеет. Может долго это; может, миг один; может - вечно...

Глава 6

Горит, сияет звезда у Ряхи на ветке ярким синеватым огнем, далеко путь освещает. В свете этом, то на самом Ряхе одежда сменится, то на Синьке новый прикид появится.

Не удивляется уже ничему Синька; заметил, только, что другая одежда появляется, когда Ряха на него посмотрит.

- Ты зачем это делаешь, пёс его распёс!? Чего это я, как на показе чудной моды тут вышагиваю?

- Так не нарочно это, паря! Само, вишь, выходит. От нервов.

- Тебе-то, чего нервничать? Испытание мне предстоит, а ты психуешь.

- Так-то, так...

- Эх, ты, деда! Не веришь ты совсем в меня, видать! Пройду или нет - посмотрим! Ты, вот, что мне объясни... Только не ври! Уговор?

- Так, а чё врать-то? Спрашивай. Чего знаю - о том скажу, а коли сам не ведаю - так не обессудь...

- Целый день я тут брожу, а ни одной души, кроме тебя да Духа Печного не встретил. А еще - почему у меня никаких способностей не появилось, ну, волшебных?

- Ну, так, а какая душа тебе тут должна встретиться-то? У Проведения на все свои планы, а значимо и встречи! - загадочно да двумысленно изрек Ряха, - А то, что у тебя способностей не возникло, так они тебе вроде без надобности. Пока, без надобности! Ты ж ни с кем не борешься, не сражаешься, тады зачем они тебе!?

- Так-то, да, пёс его распёс! - начал было Синька, но тут, в далеке, в темноте кромешной, что звезда не рассеяла, замаячило что-то огненнокрасное.

Стали ближе подходить, и затаил Синька дыхание, глядячи на картину, какая в уме пониманию не поддается. Плещется прямо на пути речка-переплюйка. Таковую и вплавь перемахнуть легко. Да, только, непростая-то реченька эта, а река Смородина. Не водица в ней меж берегов плещется, а колышится, шевелится черное нечто.

- Забудь-трава это. - слышит Синька голос Ряхи, - Мерзкая до невозможности! Вон как разволновало ее, глянь-ка! Рассмердилась донельзя...

Не слышит Синька деда, задыхается, потому как забудь-трава темными волнами на берег накатывает, молчаливым криком уши закладывает, смрадом глаза жгет и душит, душит, душит...

Спихватился Ряха, видя, что дурно попутчику сделалось, дотронулся он звездой, что на ветке светилась, до Синькиного лба, отступило, спало наваждение - пришел Синька в себя, вокруг озирается, на реку со страхом смотрит. Над рекой-то мост перекинут. Мост такой, что лишь одному человеку по нему пройти можно. Да, вот только, и одному, как по такому мосточку идти, когда он из огня сотворен.

Кипит, плавится железо из которого мост сделан, летят брызги огненные в разные стороны, струями стекает огонь в речку Смородину, шипит на черной шевелящейся внизу массе. На самом мосту, вопреки всему разумному, еле-еле фигура одинокая виднеется. Женщина? Мужчина? Кто? Непонятно, потому как закрыто лицо белым балахоном.

Не стоит фигура, приближается. Медленно. Очень медленно. Плывет она по огненному мосту так, словно хочет дать путнику, к мосту подошедшему, шанс уйти, убежать, спрятаться.

Только не хочет Синька ни бежать, ни прятаться. Повернулся он к спутнику своему, тот звезду с ветки снял, да ему протягивает, мол, забирай. Отказаться хотел было Синька, да звездочка в еле тлеющий голубой уголек превратилась и сама в Синькин карман юркнула.

- Что за мостом, дед? - спрашивает Ряху Синька, - Стоит оно того, чтобы по огню-то идти, пёс его распёс!?

Пожимает Ряха плечами:

- Не скажу, внучек! Не хаживал! Не ведаю! Но коль мост перейдешь, то, считай, из безвременья выбрался, а там уж, бог даст, свидимся!?

Обнял Синька деда, да спиной к нему повернулся, чтобы к проводнику идти. А проводник-то - вот он! Рядом стоит, лицо в лицо рядом с Синькой.

Желтые глаза в Синькины глаза смотрят, плату просят. Открыл Синька душу для огненной платы.

Подкосилось и рухнуло от невыносимой боли Синькино тело на землю, затряслось в агонии и замерло безжизненно ...

Танцует Синька на дискотеке. Молодой, красивый, девчонки перед ним кружатся, каждая понравиться хочет. Никого не выбрал он пока. Улыбается им белозубой улыбкой своей, чтобы пуще млели, чтобы взгляд не могли оторвать.

Сильнее всех льнет к нему Светка, подружка его друга детского, закадычного, с которым в детском саду еще, друг на против друга, на горшках сидели. Мишка, друг его, с которым все пополам: и плохое и хорошее. С которым и в драках вместе тумачков получали, и на рыбалку, и секреты делили. Только нету сейчас Мишки в деревне, уехал на полгода, далеко, потому как учится друг аж в Москве, в универе. А подружка Мишкина - Светка, здесь скушает, с подружками на танцы бегают.

Синьке она тоже нравится, но она ведь Мишкина подружка, а потому - табу. Знает это Синька, всегда знал, никогда на Светку, как на девчонку и не глядел. А сегодня глянул. Выпил лишнего? Или шибко льнула Светка к нему, но глянул он на нее сегодня. И не просто глянул, провожать пошел. А может это она его, еле на ногах стоящего, провожала? Кто его знает. Только помутилось в Синькиной голове тогда, как и что случилось, плохо помнит.

Помнит, только, как кричала Светка, колотила его, царапала и вырывалась. Да, ведь, как девчонке со здоровенным парнем справиться-то? С таким как он, недавно с армии вернувшимся? Уверенным в себе, красивым и сильным. С таким, в котором похоть, спиртным подогретая, затмила и преданность другу, и уважение к его подруге, и совесть собственную. Когда злость, стократноусиленная Светкиным сопротивлением, глаза застлала и Синьку в животное превратила.

Очнулся, в себя пришел - плачет рядом Светка, обрывки одежды поправляет, проклинает его. Просит Синька простить его, только убегает девчонка, чтобы не видеть его больше, чтобы уехать завтра из поселка навсегда.

А Синька идет куда-то, встречает в летней ночи компанию подгулявшей молодежи. Молодежь веселится, гуляет, чему-то радуется. Рады и Синьке в компании. И продолжает он вливать в себя "беленькую" почти до утра. А утром, чуть живой от выпитого вваливается, наконец-то, домой.

Еле-еле до кровати добрался, чтобы прямо в одежде рухнуть на нее и провалиться в пьяный свой сон-дурман. Проваливаясь в забытье, слышит Синька, как мамка еле слышно зовет его: " Помоги, сынок! Плохо мне чего-то совсем, помоги. Сыноок..." "Потом! - думает Синька, засыпая, - Подожди... не сейчас..."

Просыпается Синька от жажды, горло пересохло, дерет глотку словно наждачкой. Синька пытается встать, но в голове огромный колокол стучит, не дает подняться. Орет сын матери: "Мам! Дай воды!" Тишина ему в ответ, только часы на стене: "Тик-так, тик-так!" Он снова зовет, и снова, и снова.

И первый раз в жизни, мать не бежит по его зову, не старается ему помочь, угодить. Он встает и ковыляет к воде сам. В прихожей, на полу лежит ее тело. Мамка смотрит на него и не моргает. Просто глядит так, как только она, мамка, умеет, с любовью, как всегда, и с нежностью...

- Аааа! - орет Синька, - Аааааа!

Стоят рядом над Синькой две фигуры. Проводник и дедок несуразный в белых кроссовках. Текут слезы из желтых глаз проводника. Закрыв руками лицо дедушка Ряха, раскачивается из стороны в сторону, да бормочет что-то всхлипывая.

- Ааааа! - прокричал, провыл в последний раз Синька. Затих, лежит. Тело безвольное вздрагивает.

Через время, только, с трудом на ноги Синька поднимается. Нету дедушки Ряхи рядом, трется о Синькины ноги кошка Мурка: "Мррр! Говорила же, что свидимся, еще!" Гладит Синька Мурку по шелковистой шерстке, мурчит кошка в ответ ему, ластится. Поднял Синька кошку с земли, выпрямился.

Глядят в его глаза желтые глаза проводника. Долго глядят, пронзительно. Протягивает проводник Синьке медную чашу, до краев зеленым напитком наполненную. Смотрит Синька на зелье - велико искушение выпить и не помнить, забыть все. Но не может он. Нет, не может.

Качает Синька головой, глядя в желтые глаза проводника. Усмехается проводник поворачиваясь к Синьке спиной...

Глава 7

Стоит Синька и смотрит, как удаляется от него проводник.
Медленно. Очень медленно.

А Синька глядит ему в спину и думает о том, не окликнуть ли его, не испить ли все же зелья зеленого, чтобы забыть то, что десять лет другим зельем заливал да так и не смог залить. "Нет! Не забыть надо, пёс его распёс, а исправлять! - грустно думает Синька, да поглаживает Мурку, что уютно у него на руках, устроилась, - Да, только, как исправишь? Не вернется вспять время, не оживет мамка... Светка и Мишка!? Да они ненавидят меня оба... Ладно, разберусь! Главное - помнить, не забывать! Ради того, кто в моем мире мне второй шанс у Бога вымолил... А потому вперед, за проводником, пёс его распёс!"

Идет проводник, не оборачивается, белая фигура его уж на огненный мост ступила. Следом торопится, да остановился у моста Синька, страшновато ему в огонь идти. Мурлычет на руках Мурка, и слышится Синьке мамкин голос: "Ты сильный у меня, справишься! Не бойся ничего!" Вспомнил Синька, что в сумке у него сланцы лежат. "Зачем-то старушенция мне их с собой дала, пёс его распёс! - думает Синька. Достал он сланцы, да и сунул в них ноги, а потом, не раздумывая, ступил в огонь.

Зашипел огонь вокруг Синькиных ног, лижет легкую обувь, вот-вот вспыхнут, сгорят, оставив Синьку босым. Да только заговорила, видать, старушенция шлепанцы злощастные, а потому ничего огонь сделать с ними не может... Долго ли коротко ли шел по мосту Синька, то неизвестно, только перешел он реку Смородину. Ступили, наконец, его ноги на другой берег. Оглянулся Синька, чтобы проводнику спасибо сказать, а позади ни реки, ни моста нету. Глянул он на ноги свои, а сланцы в пепел превратились и тут же осыпались.

Зашевелилась, заерзала кошка в Синькиных руках, на землю прыгнула, потянулась, да уселась лапкой мордочку трет. А Синька вокруг смотрит - диву дается. Он-то думал, что перейдет через мост и случится диво-дивное - очнется он дома у своего порога, там где упал да головой о порог ударился. А оказалось, что пришел он на поляну какую-то.

Поляна, как поляна - ни ушей заячьих из птичьих гнезд не торчит, ни русалок, да и деревья рожи не корчат и ветки к Синьке, пугая, не тянут. Обычный лес кругом шелестит, звуками птичьими наполненный, на небе солнышко встает, в розовое да золотое это небо, окрашивая. Необычное на самой поляне перед Синькой предстало и к новым размышлениям привело.

Лежит, посреди поляны, огромный камень. Камень сразу видно, что непростой, потому как вся его серая поверхность непонятными знаками испещрена. На самом камне - такое же огромное гнездо. Гнездо дурацкое, как попало, на первый взгляд, из всякого хлама свито. Но самое чудное - это яйцо, в гнезде находящееся! Золотое, вроде, яйцо-то!

Подошел Синька к камню ближе, да рукой знаки, кем-то оставленные потрогал. Вокруг обошел, стал гнездо разглядывать. А и было на что посмотреть, потому как торчали из стен гнезда и ветки, и нитки, и лоскутки, и волосы разных цветов и оттенков. И все это было так уложено-то, что сразу понятно становилось - с умыслом они там находятся. С каким? О том Синька задумался на яйцо глядячи. Яйцо-то тоже - огромное. Ежели по нашим меркам, так размером с десятилитровое ведро будет. И цвет-то, у того яйца, подходящий для случая такого: золотой.

Вот, стоит Синька на данный натюрморт пялится во все глаза, а Мурка закончив мыться да умываться, к нему подошла да на камень-то и запрыгнула. Обошла гнездо кругом, близко-близко к яичку мордочку свою поднесла и, отражением своим, любитесь.

- Ну! И чего мне с этим набором делать-то, пёс его распёс? - ходит вокруг Синька, - Какова цель на этот раз? Чего вспомнить-забыть надо? Чьи советы послушать?

- Мррр! - отвечает ему Мурка, - Ты глянь-ка, какое яичко! Не простое, а золотооое! Тёпленькое, такое! Потрогай!

Синька-то руку на яйцо положил, чувствует, что оно и вправду, теплое.

- Пульсирует, слышишь? - шепотом у Мурки спрашивает, - Интересно, что за птица его снесла и когда она прилетит?

- Не бойся, мррр, никто не прилетит... - кошка оторвалась от созерцания своего отражения, - Мррр, никто не прилетит, потому что это яйцо - не яйцо вовсе!

- Дааа!?! - удивился Синька, - Ах, ты пёс его распёс! Тогда, что? Кусок золота? Так чего он пульсирует?

- Нет, не золото! Мррр! А пульсирует потому, что это сердце...

- Как, сердце, пёс его распёс!?! Чье?

- Сердце острова! Мррр! И чего ты так глазки выпучил? У всего есть сердце, и у острова Буяна, оно тоже имеется. Вот оно!

- Слушай, Мурка, у меня тут в сумке пирогов тьма! Давай перекусим, а то у меня в кишках сосет просто. Хожу с полной сумкой пирогов, а у самого как в той сказке: по усам текло, а в рот не попало!

Вот уселись они рядышком с камнем, солнышко уж поднялось вовсю лучами своими землю согревает. Ветерок слегка деревья вокруг полянки покачивает. Птицы поют, насекомые какие-то стрекочут. Жует Синька пирожок, наслаждается вкусом его. Думает, что жить - хорошо!

- Слушай, Мурка, - вдруг, говорит Синька задумчиво, - А я ведь мост-то Калиновый перешел, да?

- Мррр! Да, - облизываясь отвечает ему кошка. - Тогда в чем же дело? Чего я все еще тут, пёс его распёс!?! Почему не у себя дома на крыльчке?

- Мррр! Ты когданибудь про Явь и Навь слыхивал?

- Мир мертвых и мир живых это! Правильно? Про это я в школе еще читал, пёс его распёс!

- Мррр! Пррраавильно! Но не совсем! Про Явь, почти, и про Навь, почти...

Помолчала Мурка, по обыкновению своему мордочку вымыла. Синька же ждет терпеливо ответа от кошки, да очередной пирожок жует. На яйцо-сердце, сверкающее на солнце, поглядывает.

Вот закончила Мурка умывание свое, пожурилась, подставив мордочку ласковым солнечным лучам, а потом, словно спохватившись, глянула на Синьку своими зелеными глазами. Синька от взгляда кошачьего жевать перестал да умный вид лицу своему придать постарался.

- Мррр! - одобрительно зажмурилась Мурка, - Видишь ли, Навь - это не просто безвременье, не только, обитель мертвых. Навь - это еще и пространство, где может происходить перерождение...

- Мурка! Пёс его распёс! - Синька даже подчкосил от возмущения, руки в бока упер да и уставился нехорошим взглядом на кошку, - Ты что, лекцию по философии мне читать будешь? Давай в другой раз, а!?! У меня такое ощущение, что, чем дольше я между живыми и мертвыми нахожусь, тем больше у меня шансов не вернуться. Ты можешь толком мне сказать, по буквам, я где?

- Мррррр! - недовольно заурчала Мурка, и кончик ее хвоста начал нервно дергаться из стороны в сторону, - Сейчас ты у входа в Пекло, ты что забыл откуда вышел...

- Чего? - у Синьки от удивления даже глаз дергаться начал, - Это еще, что за хрень, пёс его распёс!?! Я Калиновый мост перешел?

-Перешел, мрррр.

- А до Яви не дошел?

- Нет, еще, мррр!

Закатил Синька глаза, стал дышать, чтобы успокоиться. Надышался, да и снова у кошки спрашивает:

- Говори, Мурка, какую пытку мне вынести надо, чтобы на свое собственное крылечко вернуться, пёс его распёс!

- Решить ты должен, мррр!

- Опять?

- Ага, мрррр!

- Так, что решать-то, пёс его распёс?

- Как с сердцем Буяна быть, мррр!

Оглянулся тут Синька на яйцо, понял, наконец-то, в чем дело. Лежит- полеживает на самом виду хрупкое сердце всего мироздания, а он, Синька, вот прямо сейчас, должен решить его судьбу. Почему случилось так и за что Синьке выпал такой нелегкий жребий - неведомо.

Ходит Синька вокруг камня, гладит рукой знаки непонятные; жалеет, что не в силах их прочесть. На яйцо глядит - хрупкость его солнцем подсвеченная невооруженным глазом видна. Вздыхает, мучается Синька, не зная как поступить. Была у него мысль, что не будет он ничегошеньки делать. Развернется и пойдет, куда ноги выведут, и, пускай, бьется сердце острова безбоязненно. Да только смутило Синьку то, что не для того он здесь оказался, чтобы просто уйти. А потому - ходит Синька, сидит рядом с камнем, снова ходит, гладит руками надписи, ничего поидумать не может.

- Ну разобью я яйцо-сердце, пёс его распёс! Что потом? Что? - спрашивает он у Мурки.

Жмурится кошка в ответ, моет лапкой мордочку, мурлычет, но не отвечает ничего. Понимает Синька и без ответов Муркиных, что рухнет, исчезнет остров Буян, исчезнет центр мироздания, не будет больше ничегошеньки! И снова ходит Синька вокруг камня и тяжело ему решение принять.

День закончился пока он думал. Ночь опустилась на остров Буян, окутала округу темнотой. Вспомнил тут Синька, что в кармане его звезда имеется, которая сама к нему невесть как прилетела, да покидать не пожелала. Достал из кармана Синька едва тлеющий синим светом камушек, думает, куда бы его положить повыше. И упал Синькин взгляд на гнездо. Вздрыгнул, вдруг, Синька всем телом. Гнездо! Оно же не из хлама! Это путники, такие же как он паданцы-бедолаги, вокруг яйца что-то похожее на гнездо соорудили. В дар приносили, сердцу-яйцу, кто что сможет. Кто волос прядь, кто нитку, кто лоскуток, пуговицу... А он, Синька, дурак дураком допетрить не мог, зачем его судьба сюда привела. Внести свою частичку на алтарь мироздания.

Трясутся от волнения руки у Синьки, Мурка вокруг ног вьется. Большой камень, но Синьке и влезать на него не надобно. Дотянулся он до, так называемого, гнезда и осторожно положил звездочку рядом.

Вспыхнул ярким голубым светом камушек, расти начал, а потом, вдруг раскололся на две части. Упал Синька на пятую точку от неожиданности, глядит во все глаза на чудо, перед ним происходящее. А из расколотой пополам звездочки, показался вдруг росток.

Тянутся изумрудные листочки вверх, подрагивают, растут на глазах. Не верит, тому что видит Синька, а росток уже силу набрал, появился на нем бутон, замер на мгновение и раскрылся ослепительным красным цветком...

Глава 8

... Не опишешь словами простыми-то, ни красоту того цветка, ни величину, потому как кто не видел, тот и поверить в чудо такое не в силах.

То ли маленький он - размером с наперсток, то ли - огромный - во все небо, это уж как кому глаза покажут. Сияют лепестки всеми оттенками красного цвета, переливаются, ярче солнца светят, зарей небо заливают. И от сияния этого Мир вокруг изменяется.

Жадно впитывает все живое, свет волшебный, пьет его и напиться не может, становясь от глотка каждого и лучше, и добрее, и красивее! И в Синькину душу свет от цветка этого проник.

Сидит Синька на земле, смотрит, голову задрал, на небушко, на цветочек аленький и чувствует, как омывает алым светом душу его, как наполняется разум спокойствием и уверенностью, что жизнь его только-только начинается...

- Ты погляди-ка! - слышит Синька голос знакомой старушенции, - Не зря, выходит я тебя у суженной твоей отобрала! И кто бы мог подумать, только, а! Давненько, давненько здесь такого чуда не было. Видать надо было такому вот как ты, пропащему, сюда прийти, чтобы душу Буяна из пепла воскресить!

Опустил Синька голову на голос - сидит около камня старушенция, что в путь его из дома выпроводила, сидит да ласково Мурку гладит. А камень за ее спиной, знаками исписанный, такой белизной сияет, что глазам больно.

- Привет, бабуля, пёс его распёс! Откуда ты здесь? Или еще куда сходить надо? - беззлбно Синька старушенцию спрашивает да на ноги поднимается, - Пирогов-то напекла ли в дорогу мне, а то в прошлый раз-то пожалела видать!?

Смеется Синька беззаботно, улыбается в ответ ему бабка, кивает:

- Наготовила, внучек, настряпала! А что всего один с собой положила, так надобно было, чтобы как в сказке: по усам текло...

- А в рот не попало, пёс его распёс! - перебивает с хохотом старушенцию Синька.

- Не обессудь, внучек! - разводит старушка руками, - Спрашивай! Вижу, что язык чешется! На три вопроса отвечу, потому думай, о чем знать хочешь!

Задумался Синька было, а потом махнул рукой и выпалил:

- Что за деваха в доме моем меня суженным называла, пёс его распёс!? Нутром чую, что не суженный я ей...

- Что ж... Все, этой девахе, суженные! Потому как имя ее Смертушка, она за тобой приходила, да только обманул ты ее, счастьем своему не поверив, назад выскочил! Выскочил, да не доскочил, в Безвремяне-то и угодил! - старушенция, на камень опершись, подниматься начала, бросился к ней Синька, помог.

А та встала, да белый камень руками на сколько тех хватило обняла и щекой к нему прижалась.

- Ответь, бабуля, что за надписи на камне и что это за цветок такой расцвел, что все так изменилось?

- Ооо, внучек! Много ты знать хочешь, да времени у нас с тобой маловато. Про надписи на камне так скажу: ты их сразу увидел и прочел, как только на острове на распутье оказался. Надписи эти мудреные, каждый читает так, как суждено кому. Ты свое прочел, твое они и напорочили тебе. Потому что написано тут, что какую дорожкой не пойдешь, не уйти тебе от судьбы своей. Другое дело, что пути длинной разные, а ведут-то все одно в одну сторону.

- Эээх, пёс его распёс! Мудрено больно ты говоришь, бабулечка! - морщит лоб, чешет голову Синька, - Если все пути сюда вели, так зачем было голову-то мне морочить? Нельзя было сразу мне и сердце острова показать, да сказать, пёс его распёс, что надо сделать!?

- Отчего же нельзя? Можно, наверное, было, но ты готов ли был выбор делать? Ты же суженную искать собирался, а ума у тебя, по твоему мнению, в избытке было. Так?

- Так... Все правильно, пёс его распёс! всю жизнь прожил, никого не слушая...

- Ну, положим, жизнь-то ты, пока не всю прожил... А что до цветка? Это, внучек, цветок всем цветкам цветок! - благоговейно посмотрела на сияющие лепестки старушенция, - Это Звезда Сварога. В нем, в цветочке этом аленьком и баланс стихий, и равновесие во Вселенной и вечная цикличность жизни! Вот так-то, касатик!

Мало чего понимает Синька из слов старушенции, хорошо, ему, радостно на душе. Стоит он на цветущий мир пялится, улыбается - рот до ушей. Мурка у его ног довольно жмурится тоже на перемены глядячи.

- Слушай, бабуль, а зовут тебя как? Я же так и не знаю, пёс его распёс!?

- Знаешь, внучек! - повернулась к нему сморщенным лицом старушенция, - Имя мое каждому дитю с детства известно. Ну!? Сам догадаешься или опять мозги набекрень?

- Нет! - тут уж Синька глаза на бабку-то выпучил, - Что правда!? Пёс его распёс! Баба Яга, что ли!?

- Ну вот, наконец-то и познакомились, внучок! Вижу, вижу, что еще чего-то на душе у тебя. Говори.

Замаялся, было, Синька, не знает, как просьбу свою Бабе Яге сказать, а та смотрит хитро на него, мол, давай, касатик, поднатужься, а то спешим мы. Вот и поднатужился Синька-то, и говорит тихо, так, почти шепотом, смущенно бабке в глаза глядячи:

- Можно, бабушка, мне мамку мою увидеть, пока я здесь? - сорвался совсем у Синьки голос-то от страха, что не поймет его старушка, что вернет в Явь раньше времени, а потому бормочет он, что шибко ему это необходимо, что без встречи этой, вообще куда-то еще идти отказывается.

Не заругалась на него старушенция, не рассердилась. Смеяться над Синькиными словами, тоже и не думала. Подошла к нему, по щеке погладила да и сказала:

- Так, касатик, мамка-то твоя всегда с тобою тут рядышком была! Ты за правое плечо свое оглянись, сам и увидишь...

Оглянулся Синька - вот они, любящие глаза мамкины. Обнял он ее, на руки поднял, а потом упал на колени и прощения просить стал. Гладит мать сына по голове, приговаривает, что самый лучший на всем белом свете ее сынок, что жаль ей лишь того, что помочь ему ничем не может, что не приласкает, не приголубит его, словом добрым не поддержит...

Но, как говорится, долгие проводы - лишние слезы. Поплыло все вокруг Синьки и его компании, забрезжило, рябью покрылось. И вот уже и Яга, и Мурка, и Синька, наш, сидят за столом в какой-то избушке. Понимает Синька, что не его это жилье, а скорее всего бабы Яги, потому как все стены травами да грибами увешаны. Сидят они да чай пьют, пирогами и шаньгами закусывают. Попили, поели, из-за стола встали.

Подает старушенция Синьке один единственный пирожок:

- На дорожку, это тебе, внучек, не побрезговай!

Синька пирожок в карман, кошку в руки, старушку обнял и даже в щечку сморщенную сухую чмокнул, и уж в дверь хотел выйти, да протянула бабуля ему лапти:

- Возьми, касатик! Ряха передал, сказал что негоже меж мирами босому шляться...

Взял Синька лапти, перед тем, как ноги в них засунуть, подумал что надо и старушенции что-то подарить. В кармане пошарил, а там - монетка, у камня найденная. Протянул Синька денежку бабке и сунул ноги в лапти...

первости и испугался, когда на пригорке заяц размером с теленка прошмыгнул, да оглянулся на Ряху с Муркой, те сидят да на зайца ну никак не реагируют. Потом и лягушинная толпа недалече прошлепала. Все, как на подбор, в коронах золотых. Плюнул Синька да и перестал на зверье, туда-сюда шмыгающее, внимание обращать. Загляделся Синька в даль далекую, где в тумане перламутровом, огромное дерево виднелось. Дерево такое, что верхушка его совсем в небесах пропадает.

- Что за дерево такое?

- Так, то, дуб зеленый! - Ряха рукой от солнца прикрылся да тоже загляделся на дерево.

- Не признал, что ли? Вишь, вон, цепь как сверкает...

- Чё, золотая, в самом деле, пёс распёс!?

- Так, а отчего же нет-то? Ясно - золотая.

- Слушай, дед, пёс его распёс, ты ж говорил, что из своего леса никуда не ходишь! А почему же ты здесь, да еще и меня сюда притащил?

- Так потому и притащил, что сам тут шастать не могу! А ты -могёшь! Виноват я перед тобой, паря!

- Да, ну! Уж не кросовки ли вернуть мне собрался, пёс распёс!?

- Да, не ехидничай! У тебя, сейчас, обувька получше всяких кросовок ваших, но о том после... - тут кросовки, что на Ряхе были в тапки обратились, а сам он, словно по мановению волшебной палочки, из дедка в Синькину бабушку превратился.

Встрепенулась Мурка, с камня спрыгнула да вокруг той бабули обошла, а потом рядом с Синькой и уселась. Синька на бабушку спокойненько смотрит, не удивляется, потому как, художбно, а понял Ряхину натуру-то. Ждет Синька о чем же ему, этот шутник, поведает. А Ряха сухонькую ручонку в карман передника сунул да и вытащил из него яблочко. Подержал чуток его в руке да и подкинул в воздух. Яблочко-то кверху подлетело, да вот падать не собиралось, а покатилося себе по, невидимому человеческим глазом, пути. И путь тот - круг замкнутый - невеликий круг, такой, по нашим меркам, так с пол-метра в диаметре. Ага. Катится яблочко, разгоняется, все быстрее да быстрее, и уж такую скорость набрало, что самого-то и не увидишь! Зато внутри круга этого, замаячило что-то, забрезжило, а потом, словно в телевизоре изображение появилось.

Смотрит Синька на дивное зрелище, удивляется, но смекает, что видно важное что-то показать ему Ряха хочет. Пригляделся он, да прислушался к тому, что в сказочном телике показывают. А и было на что посмотреть и от чего огорошиться....

Идут по лесу две девушки - на вид - одинаковые. Да только у одной личико счастливое и веселое, а у второй - такое печальное, что кажется, что все горе мира на этом лице отражается. Да и наряды у девиц разные. Та что веселая - в светлорубом платье, новеньком да серебром расшитом. А вот несчастная-то плохонько одета - болтаются на ней лохмотья серого поношенного платья.

Идут, однако, девушки по лесу, за руки держатся, да дружененько о чем-то своем переговариваются. А вокруг них, вдруг, непонятное происходит стало. Сперва на березах вместо сережек цветы распустились, потом пенек у дороги перевернулся кверху тормашками, а на его торчащих кверху корнях, мыши гнезда вить стали. Идут девицы, не обращают внимания на чудеса кругом творящиеся. Прошли мимо пенька, а позади них старичок появился невесть откуда. Постоял, почесал лысину, в спину девицам глядячи, да и щелкнул пальцами им вслед.

Ничего с девицами не случилось, лишь наряды их местами поменялись...

Оторвался Синька от немого кино, что яблочко показывало, да на Ряху глянул. Не глядит в глаза Ряха, снова свой прежний вид принял, да взад перед рядом похаживает. Развязался шнурок на одном кросовке, того и гляди, что запнется дед и упадет. Вздохнул Синька, хотел помочь деду, да только видит, что подлетели к ноге Ряхи пчелки малюсенькие, сели роём

небольшим на кросовок и прочь полетели, а шнурок, как есть, уже и завязан бантиком аккуратным. Усмехнулся, про себя, Синька, снова стал смотреть, что яблочко показывает....

Тихое место, непонятное. Ни окон, ни дверей, а свет мягкий сияющий отовсюду льется. В воздухе плавают, кружатся нити-паутинки, заплетаются в клубки и клубочки, тянутся, переплетаются. Все здесь едино: и прошлое, и настоящее, и будущее. Сидит, в центре всего этого, у прядильного станка женщина - и прнкрасная, и страшная одновременно.

Бесстрастно ее лицо. Крутится, мелькает у нее в руках веретено, тянутся закручиваются нити. Сидят рядом две девушки - тоже делом занятые. Одна девица, что по правую руку да в светлом наряде, сплетает из белых нитей, что вокруг в большом количестве имеется, замысловатое белое кружево и сестре передает. Та, по левую руку от пряжи сидит, какую нить не тронет, та серой становится. Вот и украшает она белое кружево серыми вплетениями. Где меньше серого, где больше. Уплывает кружевное полотно сестрами законченное в неведомом направлении...

Повернулся Синька к Ряхе - сидит тот, с видом невозмутимым, рядышком с камнем, ни словечка об увиденном не молвит. Спит Мурка на его коленях посапывает.

Снова смотрит Синька немое кино в телевизоре сказочном. Моргнуло изображение на миг неведомый. Все как и прежде, на первый взгляд, в волшебной пряльне. Да замечает Синька изменения. Поменялись лица в секундную долю у помощниц пряжи. И вот уже по правую руку грустная, а по левую веселая. Сплетено и выпущенно из печальных рук серое кружево, старательно вплетает в него белые нити веселая мастерица. Да только плохо у нее поучается, рвутся путаются нитки в руках.

Прекратила свое занятие пряжа, строго на помощниц глянула и вот уже опять все на своих местах. А полотно кружевное серое с нитями напутанными прочь поплыло, туда, куда лучик света мелькнул...

Надоело Синьке кино непонятно, он к Ряхе лицо вопросительное поворачивает да уж и рот открывает, чтобы спросить того обо всем увиденном, да ответы потребовать. Но качает Ряха головой, глядя в вопрошающие глаза Синьки, качает головой и глазами показывает: смотри, мол. Словно во сне Синька смотрит продолжение, что яблочко ему накатало....

Лежит на белой больничной кровати молодая женщина: искажает мука ее красивое лицо, испарина на лбу, слезы в глазах. Кричит она криком безмолвным и затихает. Склоняется над женщиной пожилая докторша и кладет на грудь ей младенца. Улыбается глядя на новорожденного молодая мать. Чмокает губами, ищет ребенок грудь. Говорит что-то, улыбаясь, докторша мамаше молодой. Улыбается, кивает та в ответ. А докторша подает ей сверток небольшой, в марлю завернутый.

И не видят, ни мамаша молодая, ни докторша, как опустилось на ребенка серое кружево. Легло на розовое беззащитное тельце и растворилось на коже...

Упало яблочко на землю и к Ряхиным ногам подкатилось...

Глава 10

Поднял дедок яблочко, потер о штаны да и откусил с хрустом.

- Ты, чё, волшебное яблоко сожрал, пёс его распёс!? - возмущается Синька, волнуется, недобрый взглядом глядит, - Что за кино сейчас было, рассказывай!

Хрустнул снова Ряха яблоком, подмигнул Синьке, и... появилась ниоткуда тут избушка с окном.

У окна - ставни, резные, настежь распахнуты, а в окне бабуля в нарядном кокошнике и шали, на плечи накинутой. Сложила бабуля руки перед собой, разулыбалась, глядя на Синьку, да заговорила певуче, голосом нежным и ласковым:

- Сидит в Чертоге небесном Великая Пряха, прядет из солнечного света и воды небесной нити жизни для каждого, кто в любой из явей появится. Явей много, а Великая Пряха одна. Поэтому есть у нее помощницы, дочери родимые Доля и Недоля. Помогают они матушке, сплетают волшебные нити в узор судьбы человеческой, между собой путают.

Доля плетет радостную, счастливую жизнь каждому в явах. Да только нельзя живому без трудностей и испытаний разных. Нужны они, по мнению высших сил, для роста духовного, чтобы душа через преодоления разные, росла и крепчала. А потому, вплетает Недоля в счастливое кружево сестры нити серые - нити перепетий жизненных да горестей. Путает их, узелки завязывает, кому больше, достается, кому меньше...

Рухнул вдруг домишко, исчезла сказочница, стоит перед Синькой Ряха такой, как первый раз встретился - босой и с мозолями на ногах:

- Понимаешь, паря, я ж тогда пошутить хотел. Уж не знаю, чего они, эти Доля с Недолей в моем лесу оказались!? Я, ведь, токо платя на них меж собой и поменял... А оно вишь, как вышло-то?

Топчется виновато Ряха, в глаза Синьки заглядывает. Смотрит Синька на старикашку несчастного - жалко ему его. Узнал он женщину, что младенца к груди прижимала. Да, и как мамку собственную не признать? А после слов Ряхиных - и с кружевной паутиной все на свои места стало.

- Так, это ты, старый, в мой нелегкой судьбинушке виноват, пёс тебя распёс!?

Говорит так Синька, а сам-то думает, что и не такая уж нелегкая судьба у него была, а в том, что происходило с ним по жизни, так никто, кроме него самого, и не виноват вовсе.

- Я же, паря, не зря тебя сюда-то спровадил да выманил, лапти-топти подарил! - засиял Ряха видя, что не очень-то Синька и сердится, - Ты до Кота иди! Он - ученый! Все знает и ведает, пушай скажет, как тебе судьбинушку поправить...

- Эх, Ряха! Темная ты личность! Ты ж понимаешь, что сам я жизнь свою с детства еще не так, дак этак подпортил. Осознаю и раскаиваюсь! А потому дыши-ка ты носом, дед, не переживай попусту. Давай-ка, скажи, как мне в свой мир вернуться.

Обиделся Ряха, насупился, отвернулся от Синьки. Вот тут-то и Муркин черед настал:

- Мррр. Странные вы люди, - промурчала Синьке кошка, - Сам по забытым мирам шляется, а в то, что каждому судьба при рождении дается не верит.

- Так почему не верю? Верю! Да только раз уж спряли, соткали и выдали, так какой смысл, пёс его распёс?

- Мррр. Плетутся ниточки переплетаются, рвутся, в узелки завязываются. И каждый раз выбор есть: серый или белый поворот, понимаешь? Обычно доли больше, чем недоли. А у тебя наоборот вышло. Куда ни поверни - серая дорога. Плохо это. Мррр. Должен Ученый Кот знать как тут быть.

- Чем плохо-то, пёс его распёс!- У Кота и узнаешь, мррр!

Стоит Синька, рстерянно, то на Мурку, то на Ряху смотрит.

- Так ты говоришь, что пока я тут брожу, для меня в моем мире время остановилось, пёс его распёс!?

- Ага! Точно, стоит! - кивает облегченно Ряха.

- А чего ты тут про лапти-топти сказал?

- Ааа! - засиял, пуще прежнего, путанник да, как есть, на глазах преобразился, в красный кафтан переоблачившись, - Это лапти, что надо лапти! Сила их в том, что ведут они своего хозяина напрямик туда, куда скажет! Это раз! А еще, они тому, кто в их обутой, от любой погони уйти помогут и следы спутают! Это два! А, коли, приспичит меня увидеть, потри ими друг о дружку, тут я и появлюсь! Это три!

- Так чего ж, ты, пёс распёс, мне их отдал, а сам в дермантин обулся!

- Ты, погодь! Вот поношу их, - Ряха наклонился и любовно погладил носки кроссовок, - Так, они мне, из семи путей самый счастливый выбирать станут!

- Ну-ну, если вперед не изорвутся, пёс его распёс! Ладно! Уговорили! Когда я еще вот так по разным неведомым землям похожу? А тут бесплатная вышла путевочка! Хорошо!

Прощай, Ряха, не поминай лихом! А ты Мурка, со мной пойдешь или с дедом останешься?

- Мррр, наше племя само по себе ходит, мррр. Не пойду я. Нужна буду, так вспомни, мррр, я и приду...

- Ну раз, так, то всем пока, пёс его распёс!

Повернулся Синька спиной к Ряхе да Мурке и уж ногу поднял, чтобы к дубу зеленому топтать, что из далека виден был, да про лапти-то чудесные вспомнил и испытать их решил.

- Ну-ка, топти, ведите меня напрямиком к дубу зеленому...

Глава 11

Хотелось бы сказать, что ноги Синькины притопнули да, сами собой, вперед побежали - напрямик туда, куда указано, и стоит он уж у Дуба Зеленого. Хотелось бы, но все не так было. Потому как ноги не побежали, а пошли и понесли они хозяина, не спеша и потихонечку, к искомому месту.

Лапти вели, ноги шли, а Синька, уверенный в том, что идет в правильном направлении, спокойненько по сторонам поглядывал, природою любовался, да на странную живность дивился. Живность, до поры, была хоть и чудная, но безобидная.

Сперва стайка головастика привязалась и, то слева, то справа, перед Синькиным лицом маячила. Смешные головастики, странные - голова пучеглазая и хвостик длинненький. Ни дать ни взять, из болота какого вылезли. Правда цвет, бесперечь, меняли да по-головастиковски что-то меж собой лопотали.

Синьке показалось, что это они его персону обсуждали. "Ух, ты пёс распёс, чудики! Это кто же из вас получится? - дунул Синька на особо наглого представителя, зависшего прямо перед его носом, - Летящие лягушки!?"

Ничего, говорливая толпа, ему не ответила, а, вдоволь напорхавшись вокруг, исчезла в направлении неизвестном. А Синька дальше потопал.

Только, недолго Синьке в одиночестве идти пришлось, потому как выскочил впереди его зайчишка. Не страшный совсем, размером с теленочка годовалого, да окраса полосатого. Выскочил, уселся, словно он не в лесу, а на сцене! Невесть откуда барабан извлек и, ну, ная-ривать, да, какой-то, нехитрый марш наигрывать! Под музыку эту ноги Синькины так браво зашагали, так шаг чеканить начали, что он икать начал.

Потом еще огонь-птица была, шуки поющие, волк-говорун да мухи-цокотухи. Огонь-птица слетела прямо Синьке под ноги, о землю ударилась и в том месте, где упала, костерок образовался. Пока Синька на чудо это пялился, костерок языками пламени взмахнул и в небо улетел. Опомился Синька, почесал макушку, да дальше пошел, а сам все в небо поглядывал, туда, куда странное огненное создание улетело, а тут - пение! Оглянулся наш путник, а рядом озерцо небольшое. По поверхности озера шуки в красных сарафанах хороводы водят, да частушки поют:

- Человеческим хотеньям -
Нет ни края ни конца!
Пусть по щучьему веленью,
Их исполнится мечта! Уууух
Не один дурак найдется,
Чтоб желанье загадать,
Только, вот, ему придется,
Что не знает, то отдать! Уууух!

Пожал Синька плечами, да не стал продолжение концерта досматривать, опять дальше пошел. А немного погодя - на встречу ему волк. Самый обычный - серый волчище. Предложил он Синьке компанию составить. А Синька что? Он и не против попутчика-то, подумал, что, коли волк-то говорящий, так идти веселее будет. Да не вышло, не оправдал волчище его ожиданий, потому как беседу поддерживать не умел, а тараторил скороговорки: то про раков, то про клару... Короче, много он скороговорок-то знал, да, только Синьке они без надобности. Хорошо что встретились на пути им мухи-цокотухи. Подлетели они к волку, закружили вокруг него, а сами-то затараторили: "Цо, цо, цо, цо!" Волк обрадовался и с мухами назад повернул, а мухи Синьке денежку дали. Синька-то, макушку свою уж в который раз на ходу почесал да подумал, что цокотухи эти так от него откупились за то, что попутчика переманили.

Ну, в общем, так и шагал бы себе Синька дальше, но тут из лесу вышел медведь. Бурый и здоровенный. А еще, у медведя, того, была гармошка - маленькая да с кнопками позолоченными. Синька-то, попривыкший уже к тому, что все зверье, что ему повстречалось, настроено благодушно, никак не ожидал, что этот встречный поведет себя иначе. А медведь-то встал на Синькином пути и ну орать да реветь:

- Заломаю! Ой, заломаю! Не стал Синька близко-то подходить. Вспомнил, что в случае чего, лапти убежать-то ему помогут, но решил узнать, чем насолил косолапому. Вот остановился Синька недалеко, да и спросил:

- И чего же я тебе такого сделал, пёс тебя распёс, что ты меня покалечить захотел! Может можно вопрос мирно решить?

- Мооожно! - заревел ему в ответ мишка, - Но, пока, никто не смог! Оой, заломаю!

- Погоди, ты, ломать-то, пёс его распёс! Лучше скажи, чего тебе надо!?

- Растолоковать надоооо!

- Чего, растолковать-то, пёс его распёс! - тут уже и терпение Синькино заканчиваться стало и скучать он начал от занудства медвежьего, - Давай, спрашивай! Если знаю, то помогу!

- Лааадно! Слушай! - уселся мишка на задницу да и давай рассказывать. Мол были у его сынишки именины. Поназвало медвежье семейство гостей: пели, плясали, сынишку поздравляли. Все было хорошо, да заглянула на именины птица пестрая, заморская. Прилетела, уселась на дереве. Не шибко народ-то лесной на ту птицу удивился, потому как хоть и необычного и яркого окраса она была, но с Жар-птицей рядом не сидела. Вот так отец медвежьего семейства этой птице и сказал после того, как второй бочонок медовухи оприходовал. Фыркнула эта птица заморская клювом своим большим и загнутым, закатила глаза, а потом сказала, прямо в глаза мишке глядячи: "Турикой!" Не просто сказала, а прям плюнула этим словом в него и улетела за море свое.

Птица-то улетела, а мишка с того дня сон потерял, потому как никто не может объяснить ему, что это за слово странное и что оно значит.

- Ежели ты мне слово растолкуешь, любое твое желание неволшебное выполню! А не сможешь - заломаюуу!

- Ну ты, это, пёс его распёс, кончай реветь-то! - почесал Синька макушку да уселся напротив медведя. - Думать буду, а ты ревом своим мешаешь!

Замолк медведь, стал глазками маленькими на Синьку поглядывать, да гармошку тереть. Долго ли коротко они так сидели, только Синька попросил, вдруг, горе-гармониста сыграть ту песню, что на именинах сынишки чаще всего звучала. Растянул мишка меха инструмента да и заревел, неожиданно звонким голосом:

- Пусть бегут, неуклюже

Пешеходы по лужам,

А вода по асфальту рекой...

Рассмеялся было Синька, да спохватился вовремя. Понять- то понял он что за слово, судя по всему, попугай мишке сказал. Но вот как нервному косолапому объяснить, что глупая птица того в заблуждение ввела? Да, только, полоховато у Синьки, видать с фантазией. Хотел он, сперва-то, соврать медведю, что мол, это чудное слово "турикой" по заморски означает "мудрец". Уж и рот открыл да подумал, что буд-то не дурак Мишка-то, раскусит вранье. А потому вскочил Синька на ногу, чтобы готовым быть драпу дать, да и вымолвил:

- Птица, эта - заморская, большим умом не отличается, потому как она - попугай, пёс ее распёс. Попугай-то мыслей своих иметь не имеют, но что слышат, то повторяют. Ты песню пел?

- Пел!

- По асфальту рекой?

- Рекой...

- По ас- фаль- турикой! Слышишь, пёс его распёс!?

Вылупил косолапый глаза, глядел, глядел на Синьку, а потом как заревел:

- Аааааа!

Синька уж лаптям хотел команду дать, чтоб уносили они его поскорей, да медведь-то на спину упал и ну хохотать. Нахохотался вдоволь, слезы вытер, да говорит:

- Говори свое желание неволшебное - я его исполнять буду.

Синька-то подумал, подумал да и придумал:

- Место это Лукоморьем называется?

- Ну .- Значит где-то тут Кощей обитает?

- Ну.

- Что, ну-то? Увидеть его хочу! Это же неволшебное желание?

- Ну!

- Чё-то, удивлен я, что попугай не нукать начал, пёс тебя распёс! К Кощей-то отведешь?

- Ага. А, к какому?

- О! К Бессмертному, пёс распёс!

- Нууу, это, понятно. - Мишка растянул меха гармошки и запел:

- Смерть Кощеева в яйце -

У иголки на конце!

Кто иголочку найдет -

Тот Кощейку убьет...

- Да зачем мне его убивать, пёс тебя распёс!?! Поглядеть хочу, как он над золотом чахнет. Да, и интересно мне! Его уж в скольких сказках побеждали, а он все живой!

- Ууу! Недостовверная у тебя информация. Над золотом не он, а Змей Горыныч чахнет. Да и Кощей еще никто не побеждал. Токо не пойму, чё глядеть-то? Ладно бы на Русалку...

- Все! Веди!

- Да недалеко, тут... - проворчал Мишка да закосолапил впереди Синьки. Синька-то пока шёл размышлял все: на фига ему на Кощей смотреть. Не было у Синьки никогда желания такого, а уж если бы возникло, то он лапти-топти свои попросил бы местоположение Кощей показать. "Странно это, пёс распёс, - думал Синька, топая следом за косолапым, - Да и то странно, что Мишка слово дурацкое объяснить просил, да выполнить желанье пообещал. А я и попросил! Еще и уговаривал! Вот на фига мне это, пёс распёс!?! Не спроста это!"

Долго ли коротко ли шли Синька с Мишкой, да о чем спор вели о том неведомо, да оказались, в конце концов, у избушёнки неказистенькой.- Ну, вооот! Здесь он. - обернулся Мишка к Синьке, да в глаза не глядит, бегают глазки-то,

- Мне на Кощей смотреть желанья нету, пойду я...

И потопал. А Синька постоял, посмотрел медведю в след да на крылечко избушёнкино поднялся. Уж и руку поднял, чтоб постучать, да видит на двери кусок бересты прибит, а на бересте надпись нацарапана:

- Коль хочешь в двери постучать,

То должен наперед узнать:

В избушке злой живет Кощей

- Не привечает он гостей!

Синька, вот, мог бы поклясться, что еще минуту назад, пока медведь тут стеснение изображал, никакой надписи и впомяне не было.

- Ага, пёс распёс! - поднял Синька руку и стукнул в дверь, - Специально в гости шел, чтобы теперь назад топтать! Ну уж нет! Узнать надо, зачем меня так хитро сюда доставили!

- Не стучай! Заходи, раз пришел! - голос, раздавшийся из-за закрытой двери был... детским?

Синька осторожно так и потянул дверь-то на себя, а та с визгливым скрипом и отворилась. Постоял Синька нерешительно у входа, потоптался, да и шагнул внутрь, как смело-

сти поднабрался. Только в избушонке оказался, так дверь-то сзади сама как хлопнет, Синька от неожиданности прытко вперед-то малость и пробежал. Постоял, пооглядывался, никогошеньки не увидал. Стал в голове своей слова вспоминать разные, что в сказках в детстве читал. Вспоминал, вспоминал - ничего в голову не пришло. Ну не говорить же: вечер в хату? А именно эти слова у Синьки в мозгах и возникли. "Ну уж нет, пёс распёс!" - подумал Синька да и выпалил первое, что в голову пришло:

- По шучьему веленью, по моему хотенью, здоров будь, хозяин!

Раздался тут звонкий да громкий смех в ответ Синькиным словам. Как по волшебству стены сами собой в хоровод пошли, закружились, свет яркий в глаза ударил. Зажмурился Синька, а смех стих сразу да топот раздался, словно ребяенок бежит. Открыл Синька глаза, глядит, глазам не верит, потому как преобразилась избушенция, из убогого жилища дворцом обернулась, а Синька-то посреди залы огромной стоит.

Так вот через всю эту залу, напрямком к Синьке бежит существо странное, по размеру на ребенка похожее. Растопырил Синька руки, пригнулся чуток, чтобы не сбило оно его с ног, да и вовремя, потому что существо-то это почти до Синьки добежав, подпрыгнуло и в его объятиях оказалось...

Глава 12

И тут Синьку бахнуло. Так бахнуло, что не удержался он все же на ногах. И, хоть, не свалился он, как пень трухлябый, на спину, а присел тихонечко на пятую точку, в головушке его звон-то натуральный раздался. А когда звенеть перестало, да проморгался Синька малость, да в глазенки пучеглазые существа невиданного заглянул, так в пору опять падать было, благо, что и так уж сидел.

- Здравствуй, Синюшка! - пучеглазик скалится, и хотя, рот его не шевелится, в Синькиной голове голосок его слышится, - Давно жду, а тебя нет и нет! Сам, тепереча, заглянул или топти привели?

- Так, и сам, и не сам, пёс его распёс! Мишка привел, потому что я попросил. А ты кто? Не к тебе я шел! Вроде...

Существо с Синькиных рук на пол спрыгнуло, да перед Синькой реверанс устроило:

- Кощей Бессмертный, персоной собственной! Можно не любить, но жаловать придется!

- С чего, это, пёс распёс?! - ответил Синька Кощей, а сам во все глаза на него глядит да диву дается.

А потому, что и есть с чего дивиться да удивляться. Существо-то, что Кошеем представилось, совсем на того Кощея не походил, что Синька себе в своем воображении рисовал, когда сказки читал. Он-то думал, что старикашка это, худой да длинный, на худой конец еще и сморщенный весь, лысый с зубами острыми, как у акулы. А тут на тебе!

Не старикан - это раз! Зеленый да в чешуе, как рыба - это два! Росту с пол метра, всего! Это три! А еще глаза, как у этого, у хамелеона, ушки-трубочки, нос-пяточок и рот с губами, словно ботексом накачанные! Волосы не волосы, а что-то среднее между иголками и плавниками рыбьими. Корона, правда! По всей видимости - золотая, посреди этого безобразия. Из нормального только одежда: штаны - серые, в черные сапоги заправленные; и рубаха белая, под желеткой кожанной.

- А с того, что ты, Синюшка, как и я, и все-все здесь, во власти фигни какой-то тута творящейся и, что хуже всего, непонятно кем устроенной...

Тут, в Синькиной голове что-то щелкнуло, словно кто переключатель на другую волну перенаправил, и вместо Кошеева голоса раздался другой, Синьке не знакомый и механический:

- Проверка системы. Системные сообщения. Уровень первый. Локация - логово Кощея. Опасности - искаженная реальность. Активация - поводырь. Первое задание: найти поводыря, узнать цель. Награда: 10 монет, 10 капель живой воды, навык на выбор. - чужой голос в Синькиной голове смолк, а он вскочил и размахивая руками, заорал, обращаясь куда-то вверх:

- Что за фигня, пёс распёс? Какая система, что за поводырь?

- Ааа! Началось? - Кощей сложил руки на груди, - Теперь и ты в деле! В игре замысловатой...

- Какая ещё игра, пёс распёс!? Что, я, на ярмарке, что ли, чтобы в игры дурацкие играть! Одни меня судьбу поправлять отправляют, другие в игрушки играть! Я что, попка, пёс его распёс!?

Ухмыльнулся Кощей губищами надутыми, ручонку крошечную зелёную приподнял, да заговорил назидательно:

- Судьба или игра - разница-то невеликая. Свалилась не только на твою головушку напасть непонятная, но и на весь мир наш лукоморский. Твердит окаянная эта система про искажение мира нашего, заставляет испытания проходить, награды сулит и наказаниями пугает. Не я эту пакость сотворил! Был я всемогущий, не только живые, но и мертвые меня побаивались, а теперь, вот, в чучело пучеглазое, системой этой, безжалостно превращен.

Щелкнуло снова в Синькиной голове, и голос механический изрек:

- Получено скрытое достижение "Первый контакт" Награда 10 капель живой воды к восприятию.

Ойкнул Синька и глаза на Кощея выпучил:

- Кощей, я награду получил только что. Живую воду к какому-то восприятию, пёс распёс!

- Дурень, ты! Восприятие - это характеристика такая. Я уж тут поднаторел чуток. Их несколько: сила, воля, ловкость, восприятие и тд. Эх, ничего бы я тебе раньше объяснять не стал, а теперь, дожил - рассусоли рассусоливаю!

- А можно от голоса в голове избавиться, пёс распёс? Это же в дурку так загреметь недолго! На черта мне восприятие это?

Посмотрел Кощеюшка на ручонки свои малюсенькие, скосил глазищи к носу-пяточку, пошамкал губищами да и проямлил:

- От голоса избавиться я пробовал, вот тебе итог! Мало того, что почти всей силушки лишился, так еще и уродцем стал! От тебя Синька, все мое могущество зависит теперь.

- Чего это? И как, пёс распёс?

-А так! Ты же сюда не с бабулиных блинов пришёл?! Небось, уж побродил где-то, коли топтями разжился? А еще чувю, - тут Кощей-то носом словно собаченка заводил, - Чувю, что за пазухой у тебя пирожок-несъедайка. Две вещи, силой наделенные, просто так ни у кого появиться не могут. Значит были испытания, и награды были...

Рассказал тут Синька про свои приключения на острове Буяне, про то, как оказался там и какие тягости вынес. А еще узнал Кощей, что надеялся Синька после того, как Калинов мост перешел, вернуться в свой мир, да новую жизнь начать.

- Только, видишь, путанник окаянный, пёс его распёс, меня сюда, в Лукоморье заманил, про судьбу наплел, да к коту отправил.

Только вымолвил Синька эти слова опять в его щелкнуло:

- Получено скрытое достижение "Первый контакт" Награда 10 капель живой воды к прозрению. - Ох, пёс распёс! Опять награда!

- Чего в этот раз?

- Живая вода к прозрению, пёс распёс!

- Это хорошо... Токо, вижу, что оно тебе как-то не впрок! Чуешь чего?

Постоял Синька, к собственному нутру поприслушивался, ничего, только в животе заурчало. Кощей тоже урчание это услышал, потому как гробовая тишина вокруг них была.

- Так-так-так! Порча это! Как, есть, порча! Заурчало в Синькином животе пуще прежнего, заголосило на слова Кощеевы. Рассмеялся Синька в ответ, хлопнул себя по брюху голодному да и говорит:

- Я последний раз у Бабы Яги ел, на острове Буяне, пёс распёс! С чего бы у меня сила была, если голодный я?

- Не-не-не! Голод голодом! А когда награда выдана да получена, должен ты при любом голоде изменения в себе почувствовать! А коли не чуешь - стопроцентная порча!

- Так и чего с ней делать? Что испорчено-то во мне, пёс его распёс?

- Эх, кабы раньше, так я б тебе сразу сказал. А сейчас, - оглянулся Кощей с сомнением вокруг себя, да зачем-то нос свой пяточок пальцем потрогал, - Искаженная реальность тут, понимаешь?

- Неа! Не понимаю! Чё делать-то? Не успел доспросить Синька, а в голове защелкало да затрещало, а потом выдало:

- Системное сообщение. Обнаружена порча "Хмельная тяга". Воздействие - ослабление воли. Воздействие обнуление наград. Рекомендация: активируйте медитацию. Рекомендация: сделайте доброе дело. Рекомендация: для полного исцеления собрать вместе пять крупиц мудрости.

- А я точно не в дурдоме, пёс его распёс?

- Неа! У меня, ты, во дворце! Чё система говорит?

- Болен я, неизлечимо, хренью, которая хмельной тягой называется! Вся в ней, говорит, беда! И нужна мне медитация или дело доброе, а лучше сразу помудреть...

- Ааа, ну понятно. Из всего этого, в данной обстановке тебе медитировать лучше. Верный способ, садись!

Расстелился тут перед Синькиными ногами невесть откуда взявшийся коврик. Видал Синька по телевизору как-то как люди медитируют, а потому уселся да глаза закрыл. Посидел так минут пять, да глаз один открыл:

- А как медитировать! Я ж не умею совсем! Почесал Кощей за зеленым ухом да и выдал:

- Системе скажи, чтобы активировала медитацию, пущай помогает.

Снова закрыл Синька глаз, посидел чуток, соображая, да и подумал так:

- Система, система, активируй мне медитацию? В ответ ему защелкало в голове, крикнуло и, вроде как, чихнуло, а потом заговорило:

- Запущена медитация. Длительность десять минут. Эффект: временное ослабление порчи.

Поплыли перед мысленным Синькиным взором облака, запахло луговыми травами, бегают Синька маленький мальчик по лугу и бабочек догоняет. Хорошо ему, счастлив он...

- Медитация завершена. Эффект: усиление восприятия. Эффект усиление прозрения.

Открыл Синька глаза, улыбается, спокойно у него на душе, да и мир стал ярче, красивее вокруг.

- Работает, пёс его распёс, медитация-то! - глядит Синька на Кощея удивленными глазами, - А еще знаешь, чего понял я?

- Чего?

- А как этого поводыря отыскать! А еще, крутится в голове моей догадка, зачем все это...

- Ты, это, Синька шибко не радуйся! Помни, что эта система реальность-то и исказила. Думаешь она тебе теперь все свои тайны откроет? Хорошо хоть мысли наши не читает...

Колыхнулся вдруг воздух перед глазами Синькиными и Кощеевыми, и повисла перед ними надпись:

- Сообщение системы. Испытание первое: найти поводыря, узнать цель. Награда: 10 монет, 10 капель живой воды, навык на выбор. Режим Восприятия активирован. Режим Прозрения активирован.

- Что за номер, пёс распёс? - прошептал Синька на надпись глядячи, - Почему письмо?

- Не знаю, - почесал Кощей свое ухо, да хотел надпись пальцем потрогать.

Заискрились, задымились буквы и растаяли в воздухе.

- Чё-то сбил ты в настройках, своей медитацией, видать...

Тут ни с того ни с сего прямо под у ног Синьки две полосы появились, точь в точь на лыжню похожие. Заерзали лапти на Синькиных ногах, сдернули его с места. Бегом было он побежал, да притормозил, на Кощея оглянулся. А тот глазенками пучеглазыми вращает, ручонками машет да тараторит:

- Иди, Синька, пока твой прозрение и восприятие в силе! Не злоупотребляй медитацией - любого лекарства в меру должно быть. Как найдешь поводыря, веди сюда. И запомни Искажение не любит тайны раскрывать...

Глава 13

Пошатнулся Синька, когда лапти-топти его вперёд дернули, руками взмахнул и чуть было через голову не перекувыркнулся.

Ааах, ты пёс его распёс! Да что ж вы творите, топты проклятые?! - заорал он, да попытался в пол ногами упереться да притормозить чуток.

Да вот, только, обувка его слушаться не захотела, и покатился Синька вперед, словно по льду.

Долго ли, коротко ли волокли лапти Синьку по каменному коридору замка Кощея, неведомо. Но за то время успел он и странные картины увидеть, на которых вместо пейзажей Лукоморья непотребства разные изображены были, скалились всевозможные уродцы на тех картинах, да на Синьку пальцем показывали.

Вдруг и стены, замка Кощеева, замерцали, изменяться начали, цвет менять, а то и вовсе исчезать и в другом месте появляться, словно были живые и решить не могли, каменными им быть, туманными, а то и вовсе в прах рассыпаться. Обернулся было Синька, хотел крикнуть Кощею: А если там ловушка?! Да, вот, незадача - остался Кощей где-то далеко позади, нечего ждать от него ни совета ни помощи. Смирился Синька, подчинился, отдался на волю заколдованных лаптей. А те и знай стараться, тащут его всё дальше и дальше, в самую глубь замка - туда, где воздух липкий, как кисель, и бродят без устали день за днем тени страшные неприкаянные. Бежит Синька меж тех теней, уворачивается как может, потому что пробирает его жуть от мысли, что хоть одна из них до него дотронется.

Но встали, лапти вдруг, как вкопанные, а Синька с ходу, чуть было лоб не разбил об дверь огромную, что перед ним как из под земли выросла. А не расшиб потому, что стукнулся лбом-то своим не о доски дубовые, из которых дверь сделана, а угодил, как раз, по шляпе, что на дверях висела.

- Ух, ты пёс его распёс! - замер Синька перед дверью, да разглядывать начал узоры резные, что на двери чудо мастер вырезал. Странные то были изображения: переплетённые змеи, ключи, лапти. А в центре, самом, глаз живой. Показалось Синьке, что разглядывает его тот глаз, да не придал он тому значения, лишь лоб свой почесал да пробормотал себе под нос:

- Ну и ну, пёс распёс... Дверь, как дверь. Только вот глаз этот Не нравишься ты мне...

Не стал Синька рассусоливать, чтобы не накликал на себя чего нехорошего от этого глаза, а протянул руку к ручке. В тот же миг, как по волшебству, дверь сама перед ним и открылась. Медленно, так, да со скрипом протяжным. Видит Синька, а за дверью комнатка, вся полками с книгами, свитками и склянками заставленная. Хотел Синька в комнатку войти, да только не пускают лапти, словно к полу прилипли и двинуться не дают.

- Что, за хрень, пёс распёс? Чего на этот раз-то... Тут поплыли перед Синькиными глазами знаки какие-то, да в буквы превратились и надпись в воздухе соорили:

- Сообщение системы. Скрытая награда Умная шляпа.

И все! И рассыпались, растаяли буд-то и не было, а Синька глаза закатил да за дверь заглянул.

- Ну, а чё, пёс его распёс! Сам дурак, так хоть шляпа у меня умная будет...

Снял шляпу с крючка, нахлобучил по самые уши на голу, да прислушался к ощущениям - не поумнел ли, не обрушились ли знания в его мозг.

Ничего не почувствовал, жарковато лишь голове стало. Махнул Синька рукой да и вошел в комнату, дверь позади него и захлопнулась. Повернулся, было, Синька, чтоб дверь открыть, а та не поддается.

- Ну и пёс с тобой! - решил он, да стал осматриваться.

Ничего интересного не увидел, пока в самый дальний уголок не заглянул. Вот тут-то и прелстало пред ним зеркало не простое. Увидел Синька в зеркале-то, не свое отражение, а чужое. И, хоть, чужое, но знакомое, потому как копошился в зазеркалье старый Синькин знакомый - Ряха. Спиной он к Синьке стоял, бормотал что-то над огромным котлом, руками разводил. А от манипуляций этих, бурлило что-то в котле, звуки странные издавало, а еще - поднимался, клубился из котла зелёный туман, через зеркальную поверхность в комнатушку тонкие щупальцы тянул, воню обволакивал.

- Ах, ты пёс распёс, — шагнул Синька поближе к зеркалу, да вглядываться начал. - Ты чего это, химичишь тут, дед?

Дрогнуло изображение в зеркале, заволновалось, обернулся Ряха на Синькины слова, оскалится. Только отпрянул от знакомого Синька, отшатнулся, испуганно, потому как глянул Ряха на него глазами пустыми, белыми, без зрачков.

- Сииинька — прошептал он голсом чужим, незнакомым. - Пришёл...

- Кто ты такой, пёс тебя распёс?!

Вырвался вдруг из зеркала воздух ледяной, закружился ветром вокруг Синьки, а затрепала зеркальная поверхность, трещинами покрылась.

Чувствует Синька, как по спине холодок бежит, и не прост о страх, а что-то более древнее, липкое и мерзкое. Шепчет кто-то в Синькино ухо металлическим голосом:

- Сообщение системы. Порча Хмельная тяга. Минус к воле. Минус к восприятию...

Зашумело в голове Синькиной, чувствует, он, что ноги ослабели, а хуже всего, что с невыносимой силой захотелось ему беленькой выпить да забыться. Вот и стол стоит уже перед ним накрытый, и беленькая в запотевшей бутылочке, и селедочка с лучком на закусочку и собутыльники его ждущие. Шагнул Синька к столу, потянулись уже его руки трясущиеся к заветной бутылочке, да зашумело, вдруг в голове, затрещало, а потом рявкнул кто-то голосом громким, богатырским:

- Упал, отжался!

Моментально свалился Синька на пол да отжиматься начал. Отжимается, а сам головой крутит, понять хочет, кто же это спас его только что. Увидел Синька перед носом своим сапоги огромные, сафьяновые, размера наверное сорок девятого. Поднял голову - стоит перед ним богатырь русский и не абы какой, а сам Добрыня. Глядит Добрынюшка на Синьку задумчиво да хмурится неласково:

- Хорош на сегодня! - командует богатырь, - Вижу отпустило тебя!?

Кое как поднялся Синька на ноги, хочется ему кучу вопросов богатырю задать, но поднял Добрыня руку могучую да сам спрашивать начал:

- Князя я ищу, не видал ли? Конь с ним, говорящий... В карете золоченой оба на четверке лошадок. Точно, не видел?

- Нет! Пёс распёс, не видел! Кошечка видел и система какая-то про искажение твердит...

- Кошечка? Ясно. Вон, на полке вода живая, ты глотни, а мне Князя искать надо. И помни, копь на лихое потянет, так упал и отжался. Усек?

- Усек, пёс распёс! Глянул Синька на полку, что Добрыня показал, а там скляночка малюсенькая с прозрачной жидкостью. Повернулся Синька, чтоб Добрыню поблагодарить, а нету рядом уже никого. Что же, пожал он плечами да стал надпись на склянке читать: «Капли живой воды. Для усиления воли. Использовать с осторожностью — может вызвать прозрение (иногда нежелательное)».

- Прозрение, пёс его распёс? - хмыкнул Синька. - Вот и здорово! Хуже-то уже вряд ли будет

Схватил он склянку, открутил пробку да и сделал большущий глоток. Поплыл, вдруг, мир вокруг Синьки меняться стал, обнажая нутро свое колдовское, магическое. Протянулись вокруг Синьки нити магии, от зеркала, от книг, от самого воздуха, сплетались в огромный узор,

и запрятались в гдето глубоко под замком. А одна из нитей обвила Синьку с головы до ног, словно змея. —

- Так вот оно что, пёс меня распёс! Не просто порча на меня свалилась. Сплел кто-то сеть-паутину, и попался я в нее, как муха!

Дрогнуло зеркало, зыбкой серой покрываться стало, тянется из него к Синьке рука - бледная, с длинными бледными пальцами. А за рукой уже и само отражение выползать начало, показался Ряха с белыми глазами. - Глупец, - прошипел он Синьке. - Ты же совсем ничего не можешь сделать, ведь ты - всего, лишь, часть игры. Мизерная ее часть, пешка! . Искажение тебя привело сюда и...

Отступил Синька к стене, попятился от создания мерзкого, не знает, что отвечать Ряхе-неряхе, а тот дальше шипит:

- Не протився Искажению, пусти в себя и будет тебе...

- Счастье? Пёс тебя распёс! Да вся жизнь моя - Искажение! Сила, прозрение, что там еще!? Обманом затащили...

Почувствовал Синька, как горлу комок подступил, душить начал, слабость на все тело навалилась. Понял он что это порча снова дает о себе знать, захотелось просто сесть где стоит да махнуть на все рукой. "Что Добрыня сказал? Упал отжался, пёс распёс!?" Брякнулся Синька на пол и ну отжиматься. Тут и слова Кощея на ум пришли про то, что Искажение свои тайны раскрывать не любит. Почувствовал, что не только в мозгах просветлело, но и сила вернулась, вскочил на ноги да и воскликнул:

- Пёс распёс! Я же сразу понял, что ты не Ряха! Ты же лишь тень его. Искажение тебя мне подсуло, чтобы запутать! Ну так передай своему любимому искажению, что незлопамятный я, прощаю вам хитрость вашу подлую.

Вздрогнул Ряха-неряха и рассыпался в тишине полной. Тут же буквы поплыли, новое системное сообщение перед Синькиным носом нарисовали:

-Порча «Хмельная тяга» ослаблена. Время действия одни лукоморные сутки. Получено 15 монет. Получено 20 капель жв к силе. Разблокирован навык Прозрение первый уровень...

- Ну вот, пёс его распёс! - бормочит Синька, вокруг озирается, - Теперь бы ещё понять, куда дальше-то топать!?

Тут, его словно кто заставил голову повернуть. Глядит, а на полке, где раньше склянка с живой водой стояла, теперь свиток лежит и слегка светится. Развернул его Синька, а там черным по белому-то и написано: «Путь к истинному поводырю лежит через Калинов мост. Но помни: Искажение следит. Кощей».

-Да пёс распёс! Опять Калинов мост! Ну, ведите, лапти!

Глава 14

Дернули лапти Синьку, сорвали с места, и осталось ему, только ноги переставлять. Выбрался он из замка Кощея, ударил ему в лицо свежий воздух. Вздохнул Синька глубоко, всей грудью, поправил на голове Умную шляпу да оглянулся на месте незнакомом.

Раскинулась перед ним, жутковатого вида, долина: торчат скалы черные, буд-то зубы дракона исполинского; в лиловом небе - искр снопы да сполохи зеленые.

- Вот это, пёс тебе распёс! - Синька под нос себе бормочет да, знай, вперед шлепает. - И это Лукоморье? Да тут, словно, кто-то мир через мясорубку пропустил!

Вдруг послышался за спиной Синькиной громкий рёв. Обернулся он да и замер глаза вытаращив. Выползло из-за горы чудище трехголовое - каждая голова, его, с избушку размером. Оскалилось, чудище, зубами острующими; из каждой пасти стекают на землю сопли ядовитые, от чего, под ногами, земля тлеть, начинает, и корбится. Злопахает чего-то уродец трехголовый - из ноздрей его зеленый огонь вырывается, глазищи змеинные желто-красным огнём горят. Все туловище, урода этого, чешуей покрыто, медью отливающей. Хлещет чудище длинным хвостом шипастым по земле - от ударов, тех, целые глыбы каменные от скал отваливаются. Увидал Синька монстряру, не весть откуда взявшуюся, и вспомнилось ему, не к месту, событие одно из детства его далекого.

Весна тогда была, Синька-мальчик в своей деревенской школе первый класс заканчивал. И вот пришел, он как-то к Мишке, что другом его, лучшим, с самого детского сада был. А у Мишки-то отец, дядя Коля, как раз из города тогда приехал. Гостинцев понавез - всяких разных! Но про друга Мишкиного не забыл - достались и ему, тоже, подарки и угощения. Только вытащил, потом, Мишкин папка главный подарок, что сыну купил.

Любили мальчишки на бережку посидеть, рыбку из речки потягать да, тут же на костре, и запечь, чтобы полакомиться. В, летнюю-то, жару у реки целые дни проводили. Так, суть не в том. У всех деревенских пацанов удочки были. Как без них-то!? Но вот такой, какую тогда Мишкин папка привез, ни у кого не было.

Помнит Синька, достал тогда дядя Коля из сумки сверток аккуратно упакованный и сыну протянул:

- Удочка, тебе, сын, за учебу хорошую.

- Удочка? - выдохнули удивленные мальчишки.

- Ага! Телескопическая! Вы гляньте, как она раскладывается? Как подзорная труба! Вот так - нажал дядя Коля и потянул, выскользнуло одно звено из другого, а он еще тянет, - и вот так! Ещё одно! Атеперь ещё чутьчуть! Видали, какая длинная получилась!

Глядят мальчишки восхищенно на ярко-красное удище, глаз оторвать не могут. Очень длинная удочка была, наверное, три метра, а может и больше. Дядя Коля верхнюю часть удочки пальцем трогает:

- Вон, какая гибкая! Хорошо будет поклевку чувствовать!

Держат мальчишки удочку в руках, по очереди рассматривают. Блестящие колечки для лески, вдоль всего удища, трогают. Катушкой, гладенькой, любят не налюбуются. А еще и леской прочной, способной выдержать даже приличную рыбку, восхищаются.

Позавидовал ли тогда Синька-мальчик другу лучшему? Позавидовал конечно. Но незло позавидовал. Просто захотел он и себе такую же, да где ж ее взять? Знал Синька-мальчик, что не купит ему мамка такую удочку. Не купит не потому, что денег ей жалко, а потому - что женщина она - и в удочках не разбирается. К, тому же, есть у него удочка и так, хоть и обычная, но ведь есть. А раз так, то успокоилась душа Синьки-мальчика и решила, что не за чем о недостижимом и мечтать. В тот вечер порадовались они вместе с Мишкой, пофантазировали,

как на рыбалку скоро пойдут. Пообещал Мишка, что обязательно даст другу этой удочкой чудесной порыбачить.

А потом, уже, когда шел Синька-мальчик домой, то думал он про то, что хорошо было бы если бы его папка с ними жил. Ходили бы они вместе на рыбалку, и, возможно, подарил бы папка и ему такую удочку. Да только далеко папка, не живет он с ними. Уехал он куда-то в большой город, не писем не пишет, не приезжает и не виделись они с ним никогда. Бывает, правда, что присылает папка сыну посылки на праздники и дни рождения, вот и все. Шел так думал Синька-мальчик и осенило его, что он теперь и сам писать умеет. Это раньше-то папка думал, что сын его маленький и не сможет письмо прочесть, а теперь-то! Теперь-то - надо написать папке, рассказать, что подросток сын и читать и писать научился, и что может он, папка, спокойно ему письма писать, а уж он обязательно ответит.

Пришел в тот день Синька-мальчик домой, чмокнул мамку в щеку подставленную, показал подарки, что дядя Коля ему привез. Порадовалась за него мамка, сказала, что хороший Мишкин папка, раз не забыл в делах про сына и про друга его, что не все так делают.

А потом пошел Синька-мальчик в свою комнату, вырвал двойной листок из тетрадки в клеточку и уселся письмо папке писать.

"Здравствуй, папка! Удивишься ты тому, кто пишет тебе, потому что пишу тебе я, твой сын. Спасибо тебе, папка, за подарки твои и конфеты, но лучше бы ты мне письмо написал или сам приехал.

Ты наверно думаешь, что маленький я - не читать не писать не умею. Так, вот, папка, я первый класс уже, почти, закончил и читать научился, и писать. И теперь ты можешь мне, спокойно, письма писать про житье свое. А у меня житье хорошее. Мамка меня любит - мы с ней дружно живем. А еще друг у меня есть - Мишка. Хороший друг, самый-самый лучший. Мы с ним не разлей-вода. А сегодня дядя Коля, Мишкин папка, привез ему из города удочку телескопическую. Здоровская удочка. Мишка сказал, что будем мы с ним рабачить по очереди. Только у меня и так хорошая удочка есть, хоть и деревянная. Скоро каникулы будут уже, и пойдём мы с Мишкой на рыбалку. Я обязательно напишу тебе, какую рыбу поймаю. Только и ты пиши, мне, папка, не забывай. А я тебе отвечать на все-все письма буду. До свиданья, папка. Твой сын"

Дописал Синька-мальчик письмо, перечитал его пару раз, ошибки исправил, да запятые поставил. А потом отыскал конверт чистый, не подписанный. Он его у мамки давно уже взял, чтобы карточки с патимонами складывать. Вытряхнул Синька-мальчик патимонов из конверта и положил в него свое письмо. Хотел уж запечатать, уж и язык высунул, чтоб конверт посплющить, да спохватился. Отложил в сторону письмо, да карточки с патимонами перебрал - нашел самую любимую, где Пикачу молниями швыряется.

Улыбнулся Синька-мальчик да карточку эту, тоже, в конверт засунул - пусть, папке, подарок будет. Только потом, провел он языком по липкому краю конверта и прижал его крепко-крепко, еще и несколько раз ладошкой пригладил, чтобы лучше заклеилось.

Перевернул конверт и прочитал: "куда". Аккуратно вывел Синька-мальчик папкин адрес: " В большой город, - а ниже, там где было слово "кому" написал, - Папке, - а еще ниже, - От сына."

Довольный тогда Синька-мальчик спать лег, а утром сбегал к почтовому ящику, что на магазине прибитый был, да и сбросил туда свое письмо. Несколько недель ждал он ответ от папки - не написал, не ответил ему папка почему-то.

Снова, принесла, как-то, мамка сверток, сказала, что это от папки посылка. Развернула и ахнула вместе с сыном, потому что была в том свертке удочка! Точь-в-точь как у Мишки, и, даже, лучше! Помнит Синька, как задохнулся он, тогда, от счастья, как расцеловал мамку в обе щеки, как схватил эту удочку и побежал Мишке показывать.

Через много лет, только, узнал Синька, что принесла почтальонша письмо, что он написал, его мамке, потому, что не было адреса на том письме нормального. Она же, когда письма из ящика достала, чтобы отправить куда нужно, увидела и Синькино письмо с дурацким адресом. Подумала-подумала, да и вскрыла его, прочитала, а потом задумалась, кто ж его мог написать. Оказалось, что в деревне их, один он, Синька - безотцовщина. А мамка, когда письмо прочитала, попросила дядю Колю, чтоб купил он и ее сыну такую же удочку, какая у Мишки, да так, чтоб никто не знал об этом...

Где-то далеко-далеко, так, что Синька с трудом расслышал, зазвучал равнодушный голос. Нехотя прислушался к нему Синька, а голос, становясь громче и настойчивее, выпалил:

- Сообщение системы: Обнаружено воздействие магитов. Гипноз. Отвлечение внимания. Угроза для жизни - пятьдесят процентов. Активировать навык Прозрение?

- Активировать, пёс его распёс! - думает Синька, а сам, в памяти своей, на мамкиных поминках сидит. Дядя Коля - рядом кутью ест, да Синьке про то, как удочку по мамкиной просьбе покупал, рассказывает...

- Сообщение системы: навык Прозрение активирован...

Словно пелена спала с глаз Синьки, видит он, что чудовище трехголовое потому лишь его еще не сожрало, что головы между собой разругались из-за того, чья сейчас очередь пожрать.

Попятился Синька, чувствуя, как коленки подгибаются, да спиной в скалу уперся. " Ну, - думает, - пёс его распёс, видать сдохнуть мне по судьбе в кишках у монстра этого..."

Только, было. подумал так, да осенила его светлая мысль: "Вот, ведь, пёс распёс, как я забыл, что Ряха мне про лапти-топти говорил! Ну-ка лапти! Унесите меня, пока я цел!"

Дерганула нехитрая обувь Синьку за ноги, сорвала с места да понесла вперед, пути не разбирая. Почувствовал он, как лязгнули зубы чудища у него за спиной, как обиженно взревело оно, да, громыхая следом затопало...

Глава 15

- Не уйдеоошь! - орет где-то за Синькиной спиной чудище, - Стой, дурачина! Ты - часть Искажения!

"Что же это, пёс распёс, все-таки, за Искажение? - думает Синька да, знай, ноги машинально переставляет, - По Буяну, хоть, и непонятно зачем брел, так, хоть, не пугали и не подгоняли! А, тут! То Кощей, то колдовство! Чудище, это! Заданья, пёс распёс! Система, еще!"

Несут топты Синьку дороги, не разбирая, между скал черных, через заросли непролазные, пески зыбучие, по рытвинам да колдобинам. Запыхался Синька, глаза на лоб лезут от того, что воздуху ему не хватает. Завели его лапти в пещеру какую-то, темную, да остановились.

Свалился в изнеможении Синька, лежит отпыхивается, в себя приходит. Отдышался малость - прислушался, не слышать ли преследователя? Буйствует где-то далеко мостр трехголовый, горы ворчат, воздух в округе рыком сотрясает. Но раз лапти не бегут дальше, значит безопасно в пещере - решил так Синька, да решил убежище осмотреть. Поднялся на ноги и в глубь пещеры направился, а сам размышляет:

-Путанно, все, поперепутанно, пёс распёс! Ряха меня отправил к Коту Ученому - судьбу поправлять, а я, не пойми зачем, решил к Кощейю зайти. Оказалось, что и Кощей, и Лукоморье все от какого-то Искажения страдают... вот, спрашивается, при чем тут я?

Вот как Синька все это подумал, так затрещало у него в голове, словно кто в старую водосточную трубу дунул. Схватился он за голову от шума такого, на месте замер и думает, что, скорее всего, каюк ему приходит от инсульта какогонибудь. Только, потрещало в голове, да и затихло, а потом голос раздался. Но не тот, что прежде - неживой и механический, а другой, женский, вроде.

- Кхе, кхе... я тут? Так проверим связь с объектом...

Поплыли перед Синькиными глазами полосы какие-то, замелькали буковки, цифры и другие непонятные значки. Поплавали, попрыгали и, наконец, систематизировались в надпись. Только надпись эта, с глаз исчезла, а зрительным образом в Синькином мозгу и зависла.

- Сообщение системы... Не успел Синька дочитать, что на сей раз сообщила ему эта система, потому как отвлек его от чтения голосок:

- Проверка пройдена. Процесс устранения неполадок запущен. Текущий статус - бродяга. Текущее задание - поиск поводыря. Так, а что в закромах? Из скрытого - 50 монет, 25 капель жв, навык Прозрения... Ага, пойдет, для бродяги. Ооо! У него еще и предметы есть! Так, так, так! Лапти-топты, пирожок-несъедайка, Умная шляпа! Прекрасно, прекрасно...

Не выдержал, тут, Синька, постучал легонько себе по виску и спросил вслух:

- Кто там? - Тишина наступила.

Никто ему не ответил, но от чего-то уверен был Синька, что есть кто-то в голове его. Снова он по виску постучал:

- Отвечай, пёс распёс! Кто там и чего тебе надо!?

Тишина. Стукнул Синька себя ещё разок, на всякий случай, вдруг напугается тот, кто засел в голове, да разговоры говорит. Не успел и руку-то, стучавшую по голове, вниз опустить, как ответ получил:

- Ну что ты стучишь, болезный? У меня и так от этой реальности голова гудит! Я тут, значит, поломки устраняю, а ты долбишь!

Замер Синька от неожиданности - не чаял он ответ-то получить. Споткнулся, даже, о камни, да плюхнулся на пятую точку.

- Пёоос распёс... Ты ты кто, ?! - выдохнул Синька, изумляясь в душе, что заговорило с ним то, что до этого лишь команды отдавало. - Внутренний голос?

- Ага, бестолочь! Тебе только внутреннего голоса не хватало! Интерфейс - я! Интерфейс! , - голосок звучал капризно и немного отстраненно, - Или, если тебе так понятнее будет, то я - та самая Система, которую ты ругаешь.

- Фейс - это, вроде, лицо, а интер, что такое?

- Ты - серьезно? Не знаешь? Ёжкина избушка! В кого я попала!?

- Ты, эта, стонать кончай, а объясняй, давай, пёс распёс! Не я в тебя залез, между прочим!

- Справка, - заворчал в Синькиной голове голосок, став официальным, - Интерфейс (от англ. interface — «место соприкосновения») — это способ взаимодействия между двумя системами, компонентами или человеком и устройством. Он задаёт правила и инструменты для обмена информацией: что можно сделать, как это сделать и что получится в ответ. Так понятно?

- Ну, более менее, пёс распёс. А на фига ты мне?

Синька с голосом в голове разговоры разговаривает, а сам по пещере тихонечко вперед топает.

- Вот и мне не понятно, зачем ты мне. Я, вообще-то, Хранительница Лукоморья. А теперь вот застряла. В тебе, ёжкина избушка.

- Избушка?

- Поговорка у меня, не обращай внимания! И привыкай - вместе мы теперь...

- Да ты что, пёс его распёс! Вылезай давай, у меня своих забот по горло!

- Не могу я, - развздохалась в голове Синьки хранительница, - Пока Искажение рвёт реальность на лоскуты, мне нужно тело-носитель. А ты, извини за прямоту, оказался самым хм доступным вариантом. Низкое сопротивление поля, так сказать.

Застонал Синька, заохал: и закрыл лицо руками.

- А как же Кот Учёный, пёс распёс? Я ж к нему шёл, судьбу поправлять. А , теперь, я ходячий компьютер что ли!?

- У Кота совета просить, ёжкина избушка? Не советую. Он, сейчас, сам не свой, под влиянием Искажения. Сидит, стихи бормочет да мышей гоняет. Тебе нужен не он. Тебе же сказано, что нужен поводырь.

Снова перед Синькиными глазами буквы поплыли. Распыхтелся Синька раздражённо, но прищурился да читать начал:

- Система: Задание обновлено. Цель: Найти Поводыря. Описание: Существо, способное видеть истинные тропы сквозь Искажение. Его следы ведут к сердцу Лукоморья. Награда: раскрытие тайны Искажения. Монеты, живая вода, искры мудрости...

Тут Синька в тупик уперся, постоял, макушку почесал, да и развернулся, собравшись назад топтать:

- Пёс его распёс! И где мне этого поводыря искать? Тут кроме меня, тебя ни души!

- Так ты гляделки-то, свои, разинь, ёжкина избушка! Они у тебя зачем вообще!?! Не туда смотри, а вокруг оглянись!

Синька, хоть и с сомнением, но оглянулся. Пещера-то, в которую его лапти-топти завели, тёмная да сырая, чего в ней разглядывать. Но раз голос сказал, то Синька и подчинился. Ничего не видит - стена, перед ним, тупиковая.

-Ооо, ёжкина избушка! Бестолочь ты несусветная! Как ты думаешь, зачем я тебе награды даю? Вот навык прозрения тебе зачем?

- Да откуда я знаю! Пёс распёс!

- Чтобы лучше видеть, дитя мое! Активировать? Ты, его развивай, помогай сам себе, бестолочь!

- Активируй, раз есть! Я, что, каждый раз должен просить, пёс распёс!?! Сделай автоактивацию! Поняла? Пусть включается, когда надо!

- Оооо! Это не так работает, ёжкина избушка! Смотри!

Тут, вдруг, камни на стенах переливаться начали, странным, едва заметным светом, мерцали. И чем дольше смотрел на них Синька, тем отчетливее видел, что это вовсе не узоры мха на камнях, это - карта какая-то...

- Карта, пёс распёс!

- Как видишь! - ехидненько, так, ответила ему Хранительница да добавила, - Ёжкина избушка!

Поглядел Синька на карту, руками даже потрогал - уж больно красивая да необычная она. А, потом, и говорит:

- Вижу, что карта. Только, почему она на камнях тут, а не в мозгах у тебя, пёс его распёс? Ты же Хранительница, как никак!

Обиделась на Синьку Хранительница, заворчала недовольно, бурчать начала, через раз ёжкину избушку поминая. Не чаял, уж Синька, и ответ на вопрос свой, справедливый, услышать. Да пробрындилась Хранительница, пропсиховалась и сквозь зубы промолвила:

- Умник, ты, великий - я вижу! Ну, так, для умников повторяю: Лукоморье наше Искажение себе подчинило, извратило тут все, запутало. Меня, вот, в тебя засунуло. Или, ты думаешь, это нормально?

Подошёл Синька поближе к карте, провёл по ней грязной рукой. Зашевелились под его пальцами светящиеся линии, сложились в красивую картинку: вот тропинка, извилистая, через горы ведущая. Ведет Синька пальцем по изображению тропинки - оживают на карте красоты Лукоморья: и рощи, и дубравы, и замки с башенками. Только, тут же, над каждым чудом Лукоморским, черная сетка появляется и там, где только что дубрава стояла да листвою шелестела, уже топь непролазная, где замок глаз радовал, развалины гнилые. Словно в паутине трепещутся в черной сети местные обитатели, в уродцев превращаются, а, то, и погибают вовсе. Отдернул Синька руку от карты, завыла, запричитала Хранительница.

- Делалаа, пёс его распёс! - чешет Синька головенку свою под шапкой, - Ты б, не ныла там, а совет какой дала, что ли!? Рассказала бы, откуда Искажение это взялось!?

- Да, откуда взялось - всхлипнула Хранительница да опять запричитала, - Из космоса оно. Из черноты, где ни тепла нет, ни радости. Там, за звёздами, есть места, где реальность не держится, течёт, словно, вода сквозь пальцы. Вот, оттуда оттуда оно и пришло.

- Я вот, в детстве космонавтом быть хотел, пёс распёс, а ты говоришь, что космос плохой. Непознанный он. Пока...

- Космос космосу - рознь. Не живое, Искажение это, как мы понимаем, и не мёртвое. Это искажение самой ткани бытия...

- Началось про бытие и житие...

- Не перебивай, а слушай, ёжкины избушки! - рассердилась на Синьку Хранительница, - Иначе замолчу навеки вечные и ходи тут, как сам сумеешь!

- Молчу. Только, ты без философии можешь? Я ведь, не Ленин - не люблю тары-бары из пустого в поржнее. На пальцах объясняй.

Помолчала, Хранительница, похмыкала, да продолжила свой рассказ про Искажение ока-янное:

- Ты плесень видел?

- Видел.

- Вот Искажение, оно как плесень на хлебе! Только плесень, эта, ест не мякиш хлебный, а смысл всего сущ... Короче, прилетело оно сюда не из нашей Яви, это явно. Прилетело сквозь прореху в небе. Не камнем упало, не лучом ударило, а просочилось силой темной. Стало менять всё вокруг. То, что добрым было, стало злым, а простое запутанным стало. Ты же Кошечка видел? Вот как его искорежило.

Хмыкнул, было, Синька да и не сдержал насмешку:

- Добрым молодцем был, потом бац - и зелёный уродец, пёс распёс.

- Вот-вот! Маскируется Искажение, ломает и подменяет. А чем больше его становится, тем труднее отличить правду от лжи...

Слушает Синька Хранительницу да думу думает. Понимает он, что надо что-то с Искажением, этим, делать. И, раз уж, свалилось на него счастье в виде самой Хранительницы Лукоморья в голове, то он и отвечать должен. Мерцает, пульсирует в такт с его мыслями карта на стене.

- Ладно, пёс распёс, понятно мне про мерзопакость эту. Ты мне лучше скажи, как с картой быть? Запомнить - не реально, а с собой не потащишь. Может у тебя память получше моей?

Захихикала Хранительница, фыркнула:

- Так, можно просто интерфейс сберегини откр...

- Опять, пёс тебя распёс!? Ты - интерфейс, она интерфейс! Не до фига, ли?

- Не волнуйся ты так. Смотри!

Вспыхнул перед глазами у Синьки экран прозрачный - так еще голограммы разные в старых фильмах показывают. В самом верху того экрана - надпись была «Сберегиня», а под ней — аккуратненькие ячейки.

- Вот! - сообщил довольный голос Хранительницы, - Сберегиня! Набор карманов и кармашков! Гляди!

Тут, у Синьки аж дух захватило. Потому что прямо у него на глазах карту Лукоморья с камней словно корова языком слизнула. Зато на одном из карманов Сберегини надпись появилась: «Карта Лукоморья (активна)».

- Пёооос меня распёс! - Синька-то обалдел от увиденного, - Тут все-все можно хранить?

- Нда! Всё, что может пригодится! - ответила ему, довольная предовольная собой, Хранительница. - Видишь, тут уже есть кое-что. Ты даже можешь решить, как должны выглядеть кармашки - с надписями или с иконками...

Не успел Синька подумать, что с картинками-то, вроде, получше будет, глядь, а несколько кармашков картинками и обозначились: монетки, капли сверкающие и пирожок. Ощутил, тут, Синька голод волчий - давненько во рту его и росинки маковой не было - захотелось ему пирожка зажевать.

- Пирожок хочу! Как доставать? - сказал Синька вслух да, давай, пытаться руками схватить воображаемый пирожок. Только рука-то насквозь через голограмму и прошла.

- Ёжкины избушки! Ты что? - расфыркалась Хранительница на Синьку. - Дурачина! Мысленно. Просто, представь, что взял его. Ну !?

Сосредоточился Синька, распыхтелся. Вспыхнула иконка пирожка и погасла, а в Синькиной руке оказался пирожок горяченький, с золотистой корочкой.

- Пёс распёс! - чуть не выронил Синька его от неожиданности. - Работает! А сколько их там?

- Один.

- Одиин? - жалко стало Синьке, что слопает сейчас он свой пирожковый запас и ничего у него не останется.

- Это, - довольно замурлыкала Хранительница. - Пирожок-несъедайка! Ты - этот съешь, а в кармане другой будет...

- "Сколько захочу, пёс распёс!?"

- Почти. Это будет зависеть от...

- Не говори! Пусть сюрприз будет, я сам проверю!

Жует Синька пирожок, смакует. Один съел, еще достал. Хорошо стало у него на душе, разомлел он от сытости, уж и идти никуда не хочется. Хорошо, что Хранительница напомнила, что и в путь пора бы выдвинуться уже. Нехотя Синька оглянулся в том направлении, где, по его мнению, вход был:

- Эх, это ж возвращаться туда надо! А вдруг, меня там чудище трехголовое поджидает!?

- Поджидает или нет, а надо тебе до Калинова моста идти, как Кошей сказал...
 - Ты, может, не в курсе, дорогая, но я уж там был, через реку Смородину ходил...
 - То, я и погляжу, что с башкой у тебя не все ладно. Еще раз пойдешь! Не знаю, надо тебе его переходить или нет, но сказано же, что там, где-то, Поводырь!
- Вздохнул Синька, поправил шапку да и зашагал в тем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.